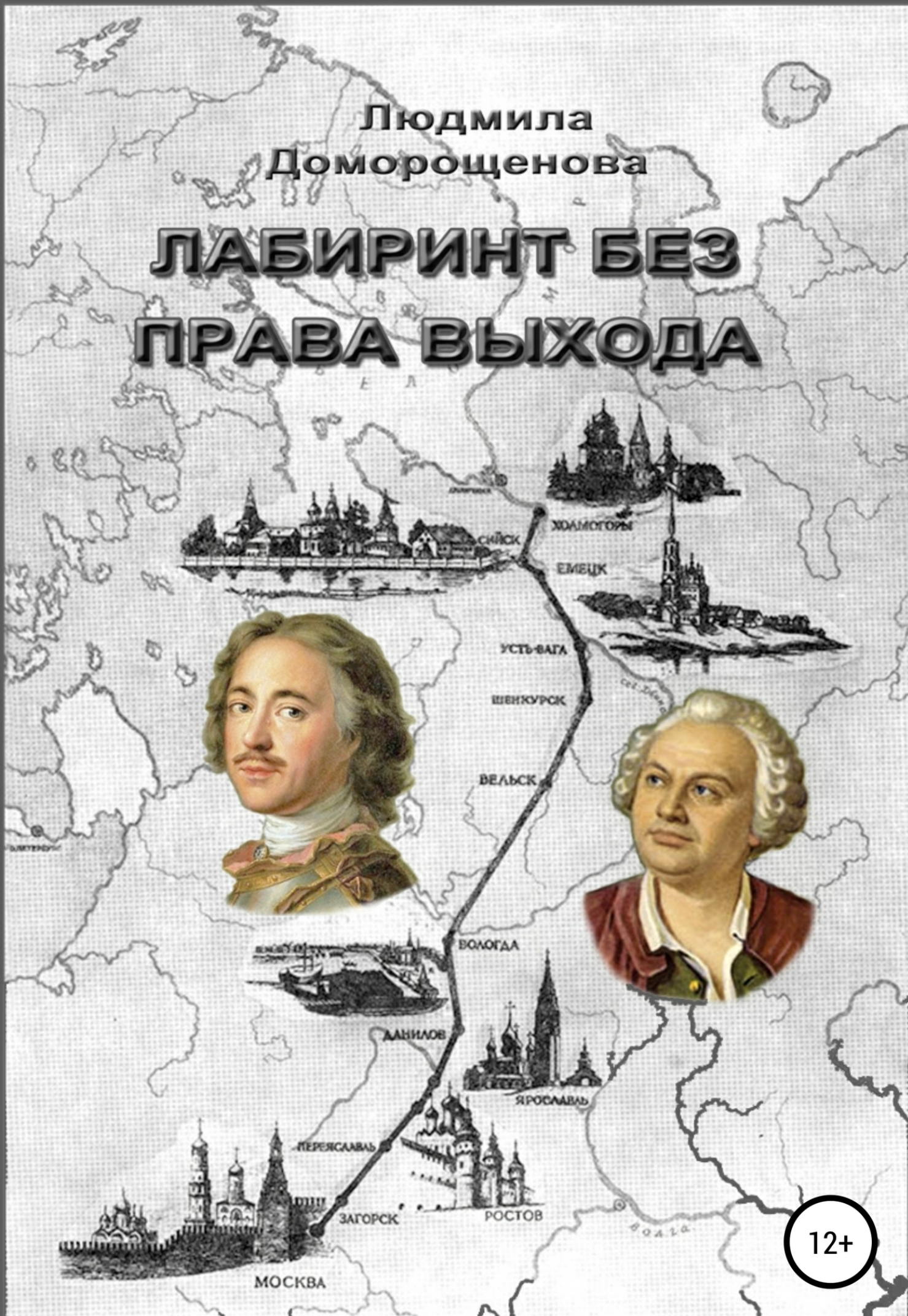

Людмила
Доморощенова

ЛАБИРИНТ БЕЗ ПРАВА ВЫХОДА

12+

Людмила Доморощенова

**Лабиринт без права выхода.
Книга 1. Загадки Ломоносова**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Доморощенова Л.

Лабиринт без права выхода. Книга 1. Загадки Ломоносова /
Л. Доморощенова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

«Лабиринт без права выхода» — инновационное исследование жизни гения нашего Отечества М.В. Ломоносова на основе документальных материалов 18–21 веков, попытка раскрыть многочисленные «загадки» судьбы учёного. Логическое осмысление событий жизни Ломоносова, филологический анализ его наиболее известных высказываний, писем, текстов литературных сочинений, а также произведений, связанных с ним, описаний его жизни и деятельности, наложенных на канву того времени, позволят любителям истории увидеть Ломоносова в новом ракурсе, заново познакомиться с биографией, реалиями и зазеркальем его бытия.

© Доморощенова Л., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть первая. Судьба Ломоносова	6
Предисловие	7
Семья	13
Происхождение фамилии	13
«Воспитанный в невежестве»	14
Лука Ломоносов	16
Дети и внуки Луки Ломоносова	21
Университеты Михаила Ломоносова	28
Врата учёности	28
Славяно-греко-латинская академия	33
Киево-Могилянская академия	35
Наука или церковь?	41
Петербург, 1736 год	42
У Вольфа в Марбурге	44
Во Фрейберге	53
Друг для всех	54
Юнкер и Ломоносов	58
О работах по соляному делу	61
Поездка в Дрезден	63
Ломоносов и деньги	64
Учёба во Фрейберге	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Посвящается 310 годовщине со дня рождения великого русского учёного Михаила Васильевича Ломоносова

Часть первая. Судьба Ломоносова

Э. Фессар. Портрет Ломоносова. Гравюра 1757 г.

...есть объективный закон — анализ информации сам ведёт исследователя, независимо от авторских пристрастий...

А.М. Чечельницкий астрофизик и космолог

Предисловие

С детства нам внушают библейское – не сотвори кумира. И всё же многие, в юности обдумывающие, как сказал поэт, житьё, решающие, делать жизнь с кого, соблазняются этой «прелестью», поскольку получают на примере судьбы великих в науке, культуре, политике людей сильнейшую мотивацию для реализации своих устремлений.

Для меня, рождённой в Архангельске, идеалом и своего рода кумиром всегда, начиная со школьных лет, был М.В. Ломоносов, 250-летний юбилей которого я застала семиклассницей. Торжественные собрания в различных залах города, на которых мы, дети, исполняли многоголосно музыкальные торжественные произведения в честь выдающегося юбиляра и нашей с ним общей малой родины; викторины, конкурсы, сочинения, походы в музей – всё это оставило неизгладимый след в душе. Казалось, именно к нам обращался из своего времени В.Г. Белинский, призывавший молодёжь «с особенным вниманием и особенной любовью изучать жизнь Ломоносова, носить в душе своей его величавый образ» (эта цитата, красиво оформленная на большом листе ватмана к юбилею учёного нами, учениками, украшала тогда наш класс весь год).

И потом, уже взрослой, выезжая куда-либо из Архангельска, я с гордостью представлялась новым знакомым как землячка великого учёного; если спрашивали подробности о его жизни, рассказывала с жаром о рыбном обозе, трёх книжках «вратах учёности», о том, как провожали юного Михайлу земляки, наказывая: иди в Москву, борись за правду! Всё это я услышала на уроках, прочитала в книгах А. Морозова, Н. Равича, С. Андреева-Кривича... И всё в этих книгах было мне понятно, всё принималось умом и сердцем, а особенно то, что только у нас, на вольном Севере, только в благодатной народной среде мог родиться такой гений. Это внушало надежду, что и в каждом из нас, северян, а значит, и во мне тоже, может быть заложенная от рождения искра таланта.

Прошли годы; искры, у кого из нашего поколения они были, хоть и не разгорелись в большинстве случаев в пламя славы, но тихонько поддерживали тепло в душах, питаюсь, в том числе, любовью и огромным уважением к великому земляку, на которое ничто, казалось, не могло повлиять. Так мы дожили до 300-летнего юбилея М.В. Ломоносова, подготовка к которому началась за несколько лет до торжественной даты.

И тут стало происходить нечто неожиданное, по крайней мере – для меня. В многочисленных вариантах биографии великого учёного, печатных, а также транслируемых электронными СМИ и Интернетом, всё чаще и всё более выпукло стали появляться невозможные ранее слова: *соврал, обманул, придумал...* В унисон им предлагались такие объяснения успехов по жизни молодого Ломоносова: *повезло.., по счастью.., у него нашёлся покровитель.., счастливая случайность.., подарок судьбы...* И даже так: *судьба пошла навстречу его желаниям*. И, наконец, вот так: *приход Ломоносова к знаниям – это подвиг, прикрытый ложью*. Нынешний Ломоносов всё меньше стал походить на того, которого я знала. Ну как тут было не броситься на защиту кумира!

Однако прежде чем начать отстаивать доброе имя великого земляка хотя бы в кругу близких людей, хотя бы перед внуком, чтобы оградить его от этих, как мне виделось, инсинуаций, я решила перелистать всё, что имеется в нашей домашней библиотеке на эту тему. Стопка когда-то прочитанных-пролистанных, а теперь пылящихся без дела книг оказалась достаточно внушительной; под рукой был и безграничный Интернет.

Увы, увы... Новое прочтение ломоносоведческих публикаций, вернее, прочтение их глазами взрослого человека, поставило столько вопросов, что сначала я просто растерялась: ну и где тут юный гений, где хотя бы одна зацепка, кончик ниточки, позволяющий выйти вместе с будущим академиком на ту его тропу... нет, не познания, а хотя бы желания познать окружа-

ющий мир не с обыденной, а иной, казалось бы, неведомой тогда здесь, на краю света, точки зрения – научной?

Современные представления о механизмах познавательной деятельности человека не позволяют согласиться с утверждением первых биографов Ломоносова, что якобы быстрое овладение им научными знаниями практически с нуля на третьем десятке лет жизни объясняется тем, что он был гениальным юношей, наделённым неким «божественным даром», и именно по этой причине стал вопреки всему великим учёным. К этому обычно добавляют утверждение о благотворном влиянии на развитие его способностей уникальной природы Русского Севера. Даже историк и славист В.И. Ламанский (1833-1914), для которого Ломоносов был «любимым предметом занятий» (Владимир Иванович посвятил ему ряд работ: «М.В. Ломоносов», «Столетняя память М.В. Ломоносова», «Ломоносов и Академия наук», редактировал академическое издание сочинений учёного), утверждал, что «личность М.В. Ломоносова можно понять, только составив представление о природе, в окружении которой он вырос».

Вслед ему советский писатель Е.Н. Лебедев в книге «Ломоносов» так обосновывал жажду знаний будущего корифея российской науки: «Сознание молодого Ломоносова, насыщенное впечатлениями от живого и непосредственного общения с северной природой, изнемогавшее в ожидании исчерпывающего ответа на те вопросы, которые он пронёс с собою от берегов Белого моря до Москвы, не было удовлетворено». На этот гипотетический конструкт известного писателя ссылаются и новые поколения ломоносоведов, говоря о какой-то необыкновенной «природной» жажде знаний, присущей именно крестьянскому сыну Ломоносову. Правомерно ли это?

Ведь и до Ломоносова люди, живущие на краю студёного моря Гандвик, под которым в древности подразумевался весь Ледовитый океан на север от европейских берегов, включая и Белое море, задумывались: что там, за пределами их досягаемости, кто управляет этой могучей водной стихией, играет сполохами северного сияния... Они с 11 века, когда началось заселение славянами этой истинной «Terra Incognita», искали ответы на вопросы, которые входили в сферу их – мореходов, рыбаков, зверобоев – жизненных интересов и были вызваны нередко негативным опытом общения с неласковой северной природой. Но их сознание не изнемогало, потому что они умом, душой и телом упорно осваивали этот мир, узнавали и детям-внукам передавали знания о суровом Гандвике, островах и архипелагах, расположенных на его просторах, условиях плавания в этих водах.

Науку мореплавания, запечатлённую в самодельных лоциях, они называли «морское знание». И этого знания, пополняемого из поколения в поколение, им вполне хватало для жизни в столь суровом краю. Писатель М.М. Пришвин (1873-1954) во время своего путешествия по Северу обратил внимание на то, что северные мореходы и в начале 20 века нередко пользовались древними народными лоциями, хотя были знакомы с научным описанием Северного Ледовитого океана.

Нет, не причём тут северная природа, тем более что сознание уже достаточно взрослого Михайлы Ломоносова было занято не проблемами бытия в условиях её уникальности. Оно «изнемогало» решением вопросов, которые никоим образом не были обусловлены окружающей его обыденностью и не могли случайно залететь в голову молодого крестьянина-рыбара, потому что были связаны с такими неизвестными ещё в 18 веке большинству людей в России науками, как математика, физика, химия, геология, металлургия, пиитика, риторика и другими, писанными не освоенной им ещё якобы латынью. Но ведь каким-то чудом залетели и так прочно там засели, что его уму уже была невыносима эта обыденность с её социальной заданностью и «уникальной» природой.

Так где же лежало то сказочное огниво, которое высекло в нём искру желания непременно узнать это неведомое? И зачем надо было это узнать ему, рождённому, живущему, а

порой и просто выживающему вместе со своей семьёй в сложнейших условиях Приполярья при полностью натуральном хозяйстве, требующем непрерывной отдачи сил и времени в любое время суток и любое время года? Чтобы больше выловить рыбы? Чтобы вырастить небывалый урожай жита? Чтобы построить себе самый большой дом на родном острове?

Но для этого ведь не обязательно знать латынь, за которой он якобы сбежал в Москву. Да и духовная академия, в которую он поступил учиться, чтобы утолить эту интеллектуальную жажду, давала теоретические знания, абсолютно неприменимые в конкретной жизни северного крестьянина. Уж куда ближе к этой жизни была та самая навигацкая школа, в которой он, по некоторым сведениям, стал учиться в Москве первоначально.

В каком ночном мечтании, на какой лесной тропинке, во время какого шторма на море-океане пришла к юному Ломоносову мысль о науке, если и спустя много лет после его жизни, наполненной научными и просветительскими подвигами, подавляющее большинство населения тогдашней России понятия не имело об этой науке, а самого учёного во всех слоях общества почитали только за стихотворца? К чему же готовил юного северянина его гений (от лат. *genius* – дух), зачем ломал все писанные и неписанные законы того времени, ставил под реальную угрозу будущее своего «подопечного», подсовывая ему вместо плуга, косы или рыболовного яруса неведомую лиру, увековеченную позднее скульптором Мартосом на его памятнике, установленном в Архангельске?

Что, наконец, стало истинным мотивом ухода будущего академика из дома – не в самом же деле бунт против злой мачехи? А если бы она оказалась доброй и покладистой, то и остался бы Михайло Васильевич на родном Курострове крестьянствовать, почитывая на досуге «три заветные книжки»?

Почему тогда же, когда появилась в их доме эта «злая и завистливая баба», не дающая парню жить так, как хочется, не присел он в тишине на лавку, не свесил на богатырскую грудь свою буйную головушку и не задумался над тем, сколь терпеть издевательства мачехи; не уйти ли к дядьке в Питер, чтобы там в каких-нибудь классах латынь изучать или, на худой конец, писарем стать? Нет, не присел, шесть лет (!) якобы терпел, хотя я лично не могу себе представить развитого и физически, и умственно молодого человека, способного в течение столь долгого времени достаточно бесконфликтно жить под гнётом чужой, да ещё и злой, как говорят, воли. Ну день, ну неделю, ну месяц, ну даже год он бы ещё, наверное, вытерпел, но две с лишним тысячи дней и столько же ночей под одной крышей с ненавистной мачехой? Кем же можно стать в такой стрессогенной ситуации?

А с другой стороны, и саму мачеху жалко. В крестьянском хозяйстве и без всяких наук всегда есть чем заняться хоть зимой, хоть летом. Особенно летом, недаром пословица гласит: летний день год кормит. Но и читать на Севере намного сподручнее именно в эту пору, когда солнце круглые сутки не заходит за горизонт. И сколько же терпения у жёнки быть должно, чтобы сдержаться, не уткнуть здорового молодого мужика, каким уже скоро стал пасынок, что не за книжечкой сидеть надо, а косу к завтрашнему дню направить, лодку просмолить, ограду починить, посмотреть, отчего жеребец захромал.

Эвон столь дел, а его всё надо подтыкать, как оленя хореем в зад. Да через неделю самая добрая и отзывчивая на крик бы перешла, а татушка и руки бы в ход пустил, чтобы навек о занимательных книжках забыл, как уже в наши времена поступил отец другого крестьянского паренька, тоже уроженца северной земли, будущего архангельского губернатора Анатолия Антоновича Ефремова (1952-2009). Его жена Мария Александровна в очень тёплых и откровенных воспоминаниях «Нам не хватило жизни и любви»¹ приводит такой эпизод из жизни мужа: «Как-то он мне признался, почему не читает книги. Говорит, когда был подростком, взял в библиотеке книгу про Тома Сойера и так зачитался, что забыл свою прямую обя-

¹ Ефремова М.А. Нам не хватило жизни и любви // Архангельск. 2014, 15 окт.

занность по дому – дрова и вода. Влетело от отца по первое число». Многие, полагаю, прочитав эти строки, почесали свои «памятные» с детства места: домашние строгости учили на раз.

Так как же они, мачеха и пасынок, сосуществовали в атмосфере противостояния целых шесть лет? И почему только на двадцатом году до парня всё же дошло, что так жить нельзя? До этого было ещё можно, а теперь – нельзя. Почему? Да потому, говорят биографы М.В. Ломоносова, что отец решил женить его на дочери «неподлого человека». То бишь на девице из зажиточной семьи. И что в этом плохого или противоестественного? Хотя, конечно, женишься – дети пойдут, значит, надо дом строить, работать по-взрослому и в поле, и в море. Отец, не дай бог, на покой запросится (как-никак – уже 50 лет!), гукор свой передаст по наследству в пользование, тогда вообще – пиши пропало, тут уж совсем будет не до книжек, не до науки.

Такая жизнь не по нему, надо срочно ноги в Москву делать? Там он, конечно, никого не знает, да и где ещё она – та Москва. Но мир не без добрых людей: и на дорогу, если хорошо попросить, денег дадут, и до Москвы довезут, и на ночлег позовут, и в академию, где латинскому языку учат, устроят, а там, глядишь, и в страны заморские отправят на нехилый казённый кошт.

В.И. Ламанский так и писал: «...внутренний голос, „демон“ Ломоносова, давно уже не дававший ему покоя, манивший его куда-то вдаль, обещавший ему славное будущее, решительно заставляет его покинуть деревню, отца, товарищей, друзей, могилу матери – всё, что было на родине дорого для него»². В общем, главное – захотеть, положившись на обещания неких «демонов». Так получается по официальной биографии учёного. А то, что такого не бывает даже в сказках, где на каждое хотение нужно чьё-то ну уж очень значимое веление: доброй феи с волшебной палочкой, деда Мороза, шуки или золотой рыбки – он знал? Видать, знал, если всё у него получилось, как в сказке. Вот только бы понять – по чьему велению?

Но как же всего этого я не видела, не понимала раньше? И почему ни один официально признанный ломоносовед не то что не даёт ответа на эти и многие другие вопросы, он их и не ставит (а как я позднее поняла – чаще всего и не приемлет такую их постановку: не нашего, мол, ума дело гения обсуждать, а тем более – в его «белье» копаться!). Несколько помог понять ситуацию сборник историко-краеведческих статей из серии «Учёные записки Архангельского пединститута»³. На 229-й странице словами: «Жизнь и творчество М.В. Ломоносова заслуживают самого пристального внимания и глубокого изучения в советской школе» – начинается статья «М.В. Ломоносов на уроках истории в школе».

Глубокого изучения! Но уже на следующей странице автор, кандидат исторических наук, настоятельно советует учителям: «В 7 классе, изучая жизнь и творчество Ломоносова, *целесообразно* (выделено мною. – Л.Д.) дать учащимся лишь основные, наиболее яркие и красочные факты его богатой биографии. Особенно подробно (в воспитательных целях!) следует остановиться на детстве и юности учёного. Говоря об учении Ломоносова в Москве, Петербурге и в Германии, необходимо, опять-таки в воспитательных целях, подчеркнуть настойчивость, упорство, необычайное трудолюбие Ломоносова, направленное на овладение вершинами научных знаний его времени».

Ну, а дальше идут примеры этих «красочных фактов богатой биографии» – обучение грамоте у односельчан и дьячка Сабельникова, «много горя от второй мачехи», рыбный обоз, засунутые за пазуху учебники для начинающих школяров, настойчивость и трудолюбие. Да, именно так нас и учили – «ярко и красочно». И продолжают в том же духе учить наших детей и внуков. Так, в современных рекомендациях по исследованию на уроке словесности сказа Б. Шергина «Слово о Ломоносове» особо подчёркивается, что «не надо подробно рассказывать о пребывании Ломоносова в Марбурге, о его проказах (это о почти 30-летнем уже чело-

² Ламанский В.И. Михаил Васильевич Ломоносов: Биографический очерк». СПб., 1864. С. 9.

³ Учёные записки Архангельского пединститута. Выпуск 16. Архангельск, 1964.

веке! – Л.Д.), а почитать из записей профессора Вольфа: „Я любил видеть в лектории этот высокий лоб...”⁴. А ведь на самом деле немецкий профессор так не писал – это видение студента Ломоносова писателем Шергиным и интерпретация *им* фактов из жизни учёного.

Вот и получается, что в школьные годы в головы и души учеников прочно закладывается не истинное знание жизни и творческого пути великого человека, а вера в его некое «простонародное величие, бесконечное трудолюбие и врождённую гениальность». Постулируется «глубина знаний», на деле же предлагается ограничиться «целесообразными» мифами и безупречными по литературным качествам, но всё же фольклорными по сути сказами. А при взрослом прочтении все эти учительские натяжки становятся явными. Поэтому и согласиться с трактовкой судьбы великого земляка, основанной на красочных мифах, моя душа больше не захотела.

Оставалось одно: попытаться, основываясь на фактах, самой разобраться в этой коллизии, чтобы увидеть, какие «краеугольные камни» были заложены в фундамент необычной биографии Ломоносова, что именно формировало его личность и характер, понять мотивацию поступков, осмыслить, «что тут так, а что – не так». А для этого, как виделось, надо ещё на раз (оказалось же – на сто раз) «просеять» факты, особенно касающиеся двух самых латентных периодов жизни Михаила Васильевича – его детства и юности, разложить по кучкам и полочкам то, что имеет документальное подтверждение, что сказано самим учёным, что записано современниками по «свежим» воспоминаниям, а что навязывается нам не всегда свободными от конъюнктуры и различных ситуаций биографами и историками разных времён, а также добродетельными учителями.

Как же это оказалось увлекательно! С каждым новым фактом, доказанным логическим допуском, а порой и настоящим открытием всё больше раскрывался век, всё более знакомым становился тот мир, в котором жили наши предки, среди которых был незабываемый светоч России Михайло Ломоносов, но было достаточно много и других выдающихся людей, оставивших свой яркий след в той жизни. По этим неугасимым светильникам мы, как настоящие исследователи, можем всё глубже опускаться в историю, раздвигая тьму веков, приближаясь к интересующей нас реальности, отодвигая в сторону весь накопившийся за века мусор.

Это приближение очень похоже на путешествие по интерактивной карте: страна, город, район, а вот оно и село, где ты никогда не был, но в котором когда-то жили твои предки, вот он ручей, о котором рассказывала бабушка, вот помечена церковь, где её крестили... А если перейти на сайт района, то можно узнать, как появилась в этих местах твоя родовая фамилия, чем занимались здесь твои деды-прадеды, чем жили-кормились... А если обратиться к фондам архива, сходить, хотя бы виртуально, в местный музей, открыть, наконец, старый семейный альбом. И ты уже там в глубине веков, освящённой твоими новыми знаниями, твоим интересом, твоей любовью. Ничего, оказывается, в этой жизни не теряется, оно всё тут – рядом, незаметное и неизвестное лишь до поры до времени.

Увлёкшая меня работа заняла почти десять лет жизни, ни об одном дне из которых я не пожалела. И строить эту работу я старалась на том же основании, о котором говорил известный и поныне исследователь русской истории 17-19 веков писатель К. Валишевский (1849-1935): «...я нашёл в работах моих предшественников некоторые пропуски, неясности и даже неточности, которые приводили, как мне казалось, к полному искажению исторической правды. Да простится мне поэтому моя скромная попытка восстановить эту правду, и пусть историки, суждения которых мне придётся оспаривать, не откажутся мне верить, что я делаю это без всякого высокомерия или неуважения к ним. Я признаю всецело достоинства прежних исторических изысканий, позволивших мне предпринять мой труд, который я, в свою очередь, не считаю исчерпывающим. Другие после меня будут продолжать мою работу, стараясь добиться в ней большей точности и полноты; они также пересмотрят и сделанные мною открытия и выведен-

⁴ Шергин Б.В. Гандвик – студеное море / Слово о Ломоносове. Архангельск, 1971. С. 92.

ные на их основании заключения и, надеюсь, воспользуются той долей, которую я вложил в наше общее дело»⁵.

Полностью присоединяюсь к этим словам.

⁵ *Валишевский К.* Дочь Петра Великого. М., 1989.

Семья

Происхождение фамилии

Попытки узнать историю рода Ломоносовых начали предприниматься уже вскоре после смерти учёного, но, увы, безуспешно. Так, в 1788 году куростровский крестьянин Гурьев в записке «Известие о М.В. Ломоносове», составленной по просьбе учёного И.И. Лепёхина⁶, сокрушался: «А [в] переписной писца Афанасия Файвозина 1786 года книги в нашей Куростровской волости по тогдашнем Ломоносовом роде никакова звания отыскать не могут».

Оказалось, не там искали – в архивных документах деревни Денисовка, а надо было – Мишанинской. Именно в этой деревне в «Переписной книге Архангельска и Холмогор 1678 года» известному историку Русского Севера М.И. Белову (1916-81) удалось в 1950-е годы отыскать имена основателей рода Ломоносовых: «Во дворе Левка Артемьев; у него три сына: Юдка, Лучка и Дорошка [Иуда, Лука, Дорофей], у него ж, Левки, три внука: Ивашка, Фомка и Афонька...»⁷.

Артемьев – не фамилия, а отчество Левки (Леонтия), сына Артемия; фамилии у него ещё нет, иначе было бы указано: Левка Артемьев сын Ломоносов. Значит, она была дана его детям и, скорее всего, – от отцовского прозвища, характеризующего, как тогда было заведено, особым образом его обладателя. Ломонос – прозвище «говорящее», не редкое на Севере; давалось оно людям сильным, решительным, скорым на применение физической силы. Так, в первой половине 20 века в деревне Орлово Устьянского района Архангельской области жил кузнец Пётр Петрович Заостровцев по прозвищу Ломонос, обладавший соответствующим характером. Сейчас в его родной деревне создан туристический объект «Усадьба Ломоноса».

Кем был куростровский Леонтий по прозвищу Ломонос, чем занимался в жизни – неизвестно. Но известно, кем были его сыновья. Иуда – владелец части промыслового становища на Мурманском берегу: «в Оленьем становище, в Виселкине губе». Лука – мореход и промышленник, до старости ходивший кормщиком на рыбопромысловых судах. Очевидно, с рискованным рыболовецким промыслом так или иначе был связан и рано ушедший из жизни их брат Дорофей – дед учёного. И отец Михайлы Ломоносова, как известно, тоже стал промысловиком, обряжал, по воспоминаниям односельчан, дальние покруты за треской и морским зверем на Мурманский берег океана, был на Курострове одним из трёх хозяев, рисковавших этим делом.⁸

Возможно, именно Леонтий приучил сыновей к этому делу, создав и возглавив семейную артель, ходившую «на дальние покруты». Но для этого он должен был обладать большим, ранее полученным, опытом кормщика, а это особое мастерство. Кормщик – главный человек на промысловом судне, руководитель коллектива суровых рыбаков-зверобоев. Перед выходом в море он давал старинную клятву, записанную в поморских морских уставах, что отвечает «перед совестью своей, перед людьми, да на Страшном суде, коли погибнет кто». Поэтому и требования к кормщику, как записано в тех уставах, были особые: «...должен он душу крепкую иметь, да и руку тож».

И если рука Леонтия действительно была крепкой, то не случайно, думается, он получил своё прозвище, от которого пошла фамилия его сыновей. Она впервые упоминается в «Переписной книге Архангельска и Холмогор 1710 года», где записано: «На деревне Мишанинской (д)вор: Лука Леонтьев сын Ломоносов штидесяти пяти лет.»; и по ревизской скаске 1719 года

⁶ Лепёхин И.И. Полное собрание ученых путешествий по России: Ч. 4. СПб., 1805. С. 302.

⁷ Белов М.И. О родине Ломоносова по новым материалам / Ломоносовский сборник. Т. III. М.–Л., 1951. С. 234-236.

⁸ Максимов С. Год на Севере. Архангельск, 1984.

он также значится как Лука Леонтьев сын Ломоносов. Эта же фамилия, очевидно, была и у его уже погибшего к тому времени брата Дорофея, поскольку взятый Лукой в семью племянник Василий Дорофеевич в этой ревизской скаске также назван Ломоносовым.

В литературе существует версия о том, что настоящая фамилия рода – Дорофеевы, а Ломоносовы – лишь уличное прозвище одной из ветвей этого рода, полученное родоначальником из-за сломанного в драке носа. Так полагал, например, известный архангельский историк и краевед И.М. Сибирцев (1853-1932)⁹.

Не совсем был согласен с ним ссыльный петроградский профессор Б.М. Зубакин (1894-1938), проводивший свои исследования на Курострове сто лет назад. Он писал: «Речение „Ломоносов“, вопреки мнению И.М. Сибирцева, вовсе не звучит как „Ломаный нос“ – „Ломоносый“, но скорей того, как тот, кто эти носы ломает другим, вроде Костоломов, Ломов и тому подобное. По-видимому, Михайло Ломоносов происходил из даровитой семьи Дорофеевых, один из представителей которых получил прочно прикрепившееся к нему прозвание „Ломоносов“. Местные Дорофеевы упорно считают себя родоначальниками Ломоносовых, никто из здешних старожилов не оспаривает этой претензии, а наоборот, все единодушно настаивают на её справедливости»¹⁰.

Некоторые исследователи высказывают также романтическое предположение, что фамилия учёного могла произойти от названия ну уж очень редкого на севере цветка ломонос, который, к тому же, не произрастает на Курострове. Столь же натянутой выглядит версия, связанная с днём народного календаря Афанасий-ломонос (18 января), с которого, считалось, начинались настоящие морозы. Нельзя же полагать, что прадед Михаила Васильевича боялся сильных морозов или, наоборот, любил их? И даже если бы он родился 18 января, это вряд ли бы как-то особенно характеризовало его.

Не нашла документального подтверждения и версия о новгородском происхождении фамилии, о переселении носителей её на Двину после разгрома Новгорода Иваном Грозным в 1570 году. Да и вряд ли сейчас можно надеяться на то, что будут найдены хоть какие-то документальные свидетельства происхождения этой фамилии.

«Воспитанный в невежестве»

Новое знакомство с Михаилом Васильевичем я, отринув всё, что знала ранее о своём великом земляке, начала с его семьи. О матери его практически ничего не известно: нет документально подтверждённых данных о времени её появления на свет, венчании, рождении сына, причинах и времени ранней смерти, месте захоронения. Даже то, что она дочь священника и просвирницы погоста Воскресенской церкви Николаевских Матигор, что в нескольких километрах от Холмогор, оказывается только версией: поискали по переписным книгам более или менее подходящую по времени и составу семью и решили, что пока других вариантов не найдено, пусть будет этот. А потом, наверное, и искать больше не стали. Да и зачем, если всё так хорошо получилось: учёный – внук православного священника. Кругом злостные раскольники и сочувствующие расколу, а у Михаила Васильевича, по крайней мере со стороны матери, корни – самые что ни на есть правильные.

Правда, дочери этого священника Сивкова по переписи 1710 года было всего 12 лет. Но мало ли делают ошибок переписчики? Отвлекли человека, он и написал 12 вместо 21; вполне возможно. А может быть, и нет, как теперь докажешь?

⁹ Сибирцев И.М. Исторические сведения из церковно-религиозного быта г. Архангельска в XVII и первой половине XVIII в. Архангельск, 1894. С. 118.

¹⁰ Зубакин Б.М. Новое и забытое о Ломоносове. Архангельск, 2011.

Сам Михаил Васильевич о матери никаких воспоминаний не оставил (или они не дошли до нас). В его же произведениях слово «мать» упоминается всего один раз, но в столь странном контексте, что лучше мы поговорим об этом отдельно. Хотя уже теперь можно сказать однозначно: все утверждения о необыкновенной любви матери к сыну и сына к матери, о народных песнях и колыбельных, которые она ему пела, о книгах, которые читала, и так далее – плод творческой фантазии их авторов. Может, и пела, и читала, и даже, скорее всего, любила и ласкала, но мы этого достоверно не знаем: люди забыли, а сын умолчал.

А вот об отце М.В. Ломоносов писал не раз. Многим помнятся, наверное, его слова: «Имеючи отца, хотя по натуре доброго человека, однако в крайнем невежестве воспитанного...». А что они значат? Ни один из многочисленных биографов учёного, проговаривая как бы мимоходом эту фразу, не останавливает на ней внимание. Считается само собой разумеющимся, что здесь имеется в виду неграмотность, грубость, бескультурье отца. Конечно, сегодня слово *невежество* именно так и толкуется, но по отношению к русскому крестьянину 17-18 веков современное понятие *культурный* вообще не приемлемо в контексте условий его существования.

Странно звучит в рассматриваемой фразе и слово «воспитанный». Если уж невежественный в смысле неграмотный, некультурный, то это скорее – невоспитанный. Когда человек растёт сам по себе, никто с детства им не занимается, не наставляет, не обучает всему, что для жизни нужно, он, конечно, может без надзора вырасти нравственно ущербным, хотя и добрым по натуре. Но Василия-то, говорит его сын, *воспитывали*; и, получается, специально воспитывали как-то *не так*. А как? Что вообще означало слово «невежество» в 18 веке, был ли у него какой-то иной смысл?

Оказывается, был! Со времени Большого Московского Собора 1666-67 годов, на котором затеявший церковную реформу русский царь Алексей Михайлович заявил, что раскол порождён невежеством, эти два слова – раскол и невежество – стали практически синонимами. Видный старообрядческий писатель конца 19 – начала 20 века В.Г. Сенатов в главном труде своей жизни «Философия и история старообрядчества», опубликованном в журнале «Церковь» в 1912 и переизданном этим же журналом в 1995 году, писал: «Ещё при царе Алексее Михайловиче старообрядцы были названы невеждами, причислены к преступникам против церкви и против государства и были обречены на церковное и царское наказание. Можно даже сказать, что из богатого русского словаря были пущены в оборот все слова, которыми подчёркивалось старообрядческое невежество»¹¹.

Признать прямо, что отец его был старовером, а значит, являлся «преступником против церкви и государства», Ломоносов, всю жизнь и без того имевший немало врагов, не мог. Видимо, поэтому при характеристике отца он и использовал приём амфиболии (двусмысленность; слово или фраза, имеющие более одного толкования). И значит, слова «в крайнем невежестве воспитанный» надо, скорее всего, рассматривать именно как завуалированное признание в том, что отец его был воспитан в жёстком («крайнем») староверии.

Кстати, эту версию подтверждает и то, что в словаре В.И. Даля, самом близком по времени издания к исследуемому нами периоду популярном справочном источнике, которым мы будем здесь активно пользоваться, слова «невежество» нет. И, думается, не случайно. Русские староверы, по сути своей, – те же гонимые протестанты, что полтора веками раньше появились в Европе под влиянием учения немецкого «раскольника» Мартина Лютера. Датчанин по происхождению, Владимир Иванович Даль родился в лютеранской, то есть протестантской, семье и всю жизнь придерживался этого направления христианства. Если бы он поместил в своём словаре статью «Невежество», он бы должен был дать *все* значения этого слова, в том числе и оскорбительное для русских «протестантов» – староверов. Поэтому, видимо, он счёл

¹¹ Сенатов В.Г. Философия и история старообрядчества. М., 1912.

более разумным в этой ситуации, а главное – более приемлемым для себя, просто «потерять» это весьма употребительное слово.

Не убедила? Тогда посмотрите в том же словаре Даля статью «Раскол» или найдите в статье «Старый» определение слова «староверие». Вы не увидите там слова «невежество», вопреки официальным общеупотребительным оценкам этого весьма значимого в общественной жизни того времени явления. То есть «потерял» его Владимир Иванович в своём словаре совсем не случайно. Он прекрасно знал, как оно трактуется, и не был, думается, с этим согласен.

Лука Ломоносов

Воспитателем» Василия Ломоносова был брат его отца – Лука Леонтьевич Ломоносов. Что мы можем узнать сегодня об этом человеке? Известно, что родился Лука году в 1646-м и дожил до 1727-го; есть даже точная дата смерти – 30 марта. Тягловый крестьянин, мореход, кормщик, суровый рыбак-зверобой. Перед выходом в море он, как и отец его Леонтий, давал старинную клятву кормщика из поморских морских уставов про «крепкую душу, да и руку тож».

В 1701 году его избрали церковным старостой Куростровского прихода. В начале 18 века на Русском Севере это была довольно ответственная общественная «нагрузка»: церковные старосты организовывали выборы священников, дьячков, пономарей, участвовали в назначении просвирниц в приходах, вели в приходно-расходных книгах церковей учёт денежных, хлебных и иных поступлений, их расходования; выдавали ссуды из мирской кассы, которая хранилась в церкви; с согласия мира могли передать желающим церковные земли в аренду и т.д.

В 1703 году Лука Ломоносов – в числе выборных людей Куростровской волости. Официально такая должность в номенклатуре местного самоуправления появится лишь в 1787 году, но сам термин «выборные» встречается в документах с начала 18 века. Известный вологодский историк А.В. Камкин, из книг которого я почерпнула все эти подробности об устройстве общинной жизни на Русском Севере того времени, полагает, что данный термин означал собирательное наименование основных лиц мирского самоуправления (сотский, десятский, писчик и т.д.). То есть не только на море, но и на суше Лука был на виду. Не случайно мирской сход дважды избирал его двинским земским старостой: сначала в 1705, а затем в 1713 году.

Такая должность на Русском Севере была введена земской реформой царя Ивана Грозного 1550-х годов. В руки старост было передано управление всем Двинским краем. Царские воеводы занимались лишь командованием расквартированных воинских частей, призывом на военную службу, следили за сохранением порядка, осуществляли финансовый контроль. В 18 веке должность земского старосты, стоящего во главе волостного мирского управления, ещё сохранялась в ряде уездов Европейского Севера, в том числе в Двинском уезде; со второй трети века они назывались сотскими.

Уезд делился тогда на «трети»: Околопосадную (волости и станы в районе Холмогор, а также в низовьях и среднем течении р. Пинега), Низовскую (волости и станы в устье р. Двина близ Архангельска и вдоль побережья Двинской губы Белого моря) и Емецкую (куст волостей и станов, тяготеющих к устью р. Емца и одноимённому крупному селу, расположенных по Двине выше Холмогор).

От каждой трети уезда, состоявшей из нескольких десятков деревень, в декабре по приговору мира избирался по очереди на год свой земский староста для обеспечения сбора налогов и выполнения повинностей, полицейско-судебных и хозяйственно-попечительских обязанностей. А главное (в нашем исследовании) – они были обязаны систематически сообщать в уездную администрацию о состоянии дел на подотчётной территории. При необходимости у них запрашивались также сведения об урожае хлебов, местных промыслах, рыбных ловлях,

сенокосах, оброчных и купленных землях, посевах и прочем. Крестьянин, избранный старостой, становился в течение года самым информированным человеком на подотчётной ему территории, ибо на его имя поступало и от него требовалось значительное количество разных сведений. Он же должен был доводить нужные распоряжения властей до населения. Лука в подошедший для Курострова срок возглавил местное самоуправление в своей Околопосадской трети.

Исследователи жизни М.В. Ломоносова единогласно утверждают, что Лука Леонтьевич был неграмотным человеком. Однако это совершенно не вяжется не только с тем кругом обязанностей, которые возлагались на старосту, но даже с процедурой введения старосты в должность. Уже упоминавшийся нами выше А.В. Камкин описывает её так: «На первом этапе должен был состояться выбор, и текст его результатов доставлялся к уездным или провинциальным властям. На втором этапе следовал специальный указ, например, провинциальной канцелярии, напоминавший по своему содержанию должностную инструкцию. Указ (инструкция) означал официальное утверждение выборов и признание полномочий данного сотского. На третьем этапе сотский приводился к *письменной* (здесь и далее в этой цитате выделено мною. – Л.Д.) присяге, заверяемой священником в присутствии выборных лиц уходящего года, после чего принимал «*письменные дела и рапортовал о вступлении в должность*»¹².

Ну и как неграмотный человек будет давать письменную присягу и зачем ему принимать письменные дела, если читать и писать он всё равно не умеет? Как он вообще мог исполнять все перечисленные выше дела, да ещё и не один срок? Думаю, вывод о неграмотности Луки на основании того, что в одном «хитром» документе за него расписался то ли внук, то ли сын, абсолютно неубедителен.

А «хитрый» этот документ вот почему: в 1702 году Луке срочно понадобились зачем-то деньги, и он решил заложить «куростровцу Офонасию Иванову сыну Шубному» один из своих участков земли за «двадцать рублей денег московских». Была составлена закладная, которую, как указано в этом документе, «писал по велению отца своего сын Иван», а руку приложил «вместо дедка своего Луки Ломоносова по его велению внук его Никита Федоров». Но в 1702 году Ивану, который, как известно, родился в 1698 году, было всего четыре года! Так что налицо явный мухлёж, суть которого нам не понять, так как мы не знаем, зачем Луке понадобились деньги и почему он решил прикрыться четырёхлетним сыном и четырнадцатилетним внуком. Но афера явно удалась, так как эту заложенную землю Лука позднее выкупил.

В книге архангельского историка и архивариуса Н.А. Шумилова «Род Ломоносовых»¹³ есть сведения о чадах и домочадцах Луки Ломоносова. В частности, мы узнаём, что в этой семье было много грамотных: сын Луки Иван, а также внук Никита-старший 1688 года рождения (воспитывался в семье Луки) и Никита-младший 1700 года рождения, о котором поговорим подробнее ниже. Грамотным, как известно, был и брат отца М.В. Ломоносова, другой племянник Луки Леонтьевича – Иван Дорофеевич (около 1670 – после 1730), который воспитывался в семье своего деда Леонтия. В 1698 году этот Иван числился таможенным подьячим расположенного неподалёку от Курострова Антониево-Сийского монастыря. При этом исследователи до сих пор не могут определиться, кто же именно учил грамоте юного Михайлу Ломоносова. Называют куростровцев Ивана Шубного, Василия Дудина, дьячка Сабельникова.

Уже упоминавшийся выше историк М.И. Белов не был согласен с таким подходом. В работе «О родине Ломоносова» он обращает наше внимание на то, что лет до 8-9 Михаил рос в доме Луки вместе с младшим Никитой: «Вполне вероятно, что Никита Ломоносов и был первым учителем Михаила Васильевича. Во всяком случае, при сплошной грамотности моло-

¹² Камкин А.В. Общественная жизнь северной деревни XVIII века: Пути и формы крестьянского общественного служения. Вологда, 1990.

¹³ Шумилов Н.А. Род Ломоносовых. Поколенная роспись. Архангельск, 2001.

дого поколения Ломоносовых не было необходимости привлекать учителей из других деревень Курострова для обучения Михаила Васильевича, как это с лёгкой руки автора первой его биографии¹⁴ принято считать»¹⁵.

Оба Никиты, став взрослыми, работали, по архивным сведениям, найденным Н.А. Шумиловым, в Архангелогородской портовой таможне: старший числился подьячим, младший – копиистом. В принципе это одно и то же, поскольку в 1720-е годы, в ходе таможенной реформы царя Петра (а старший Никита начал работать до начала этой реформы), подьячие были заменены канцеляристами и копиистами, но неофициально название сохранялось до 19 века. В 16-18 веках подьячие/копиисты составляли особую группу служилого неподатного населения; в таможне они вели всё делопроизводство и были единственной категорией таможенных служащих, получавших денежное, хлебное, а иногда и поместное жалованье.

Понятно, что для исполнения канцелярских обязанностей в такой серьёзной конторе, как таможня, нужно иметь большие навыки письма. Где и как Иван Лукич, оба Никиты, Иван Дорофеевич, а, возможно, и другие члены этого семейства, могли получить его? Думается, ответ один: переписывая (копируя) старообрядческие книги в подростковом возрасте. Другого в начале 18 века занятия, дающего столь успешный опыт работы для писаря или копииста, назвать просто невозможно.

Переписка книг для нужд старообрядческих общин и собственного обихода с начала церковного раскола (середина 17 века) породила на Русском Севере широчайшее распространение грамотности, открывающей путь к образованности. Исследователь роли старообрядцев в развитии отечественной торгово-экономической деятельности О.Б. Сергеева в статье «Старообрядчество как архетип российского предпринимательства», размещённой в Интернете, так пишет о роли грамотности в сохранении и трансляции старообрядцами собственной веры: «„Древнее благочестие“ содержалось в старых книгах, а переиздавать эти книги старообрядцы не имели возможности. Также они не имели возможности готовить своих священнослужителей, используя официальные церковные каналы. В результате им пришлось стать поголовно грамотными, чтобы читать и знать наизусть Библию и готовить священнослужителей собственными силами из своей среды. Для решения этой задачи старообрядцы были вынуждены всех своих детей учить грамоте, для чего при каждой старообрядческой общине, в какой бы глуши она ни обосновалась, обязательно создавалась школа. Любой крестьянин должен был регулярно читать и заучивать тексты Писания, чтобы оно не было утрачено. Старообрядцы стали самой грамотной прослойкой российского общества, где вплоть до конца 19 века читать и писать умели в основном только представители элит».

В июне 1883 года газета «Вятские губернские ведомости» писала о северных раскольниках: «Почти все умеют читать и писать. На воспитание детей и на их образование обращается несравненно большее внимание, чем в среде православной... Мальчик учится под руководством отца, матери или наставника, какого-нибудь почтенного седовласого старика, который уже бросил землю, сдал её общине или домашним и посвятил остаток своих сил обучению детей грамоте или закону [Божьему]. Главные предметы обучения: Часослов, Псалтырь и письмо».

В северных районах России – Архангельске, Вологде, Олонце, Костроме и т.д., где староверы были особенно многочисленны, число образованных, что зафиксировано в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона (том 18, С. 547-548) было значительно выше, чем в центральных и южных районах страны. Исследователи называют разные проценты грамотности населения Русского Севера в 18 веке – от четырёх до 50 и более в конкретных насе-

¹⁴ *Верёвкин М.И.* Жизнь покойного Михайла Васильевича Ломоносова / М.В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. М.– Л., 1962. С. 42-51.

¹⁵ *Белов М.И.* Там же. С. 226-245.

лённых пунктах. Если учесть, что к началу «культурной революции» в 1924 году грамотных здесь (по официальным данным) было всего 24 процента, то цифра в 50 процентов в 18 веке кажется запредельной. Но при этом надо учитывать, что речь идёт только о грамотности – умении читать и писать, а не об образованности – умении пользоваться грамотностью для развития личности, пополнения своих знаний о мироустройстве. Как сказал известный публицист и литературный критик 19 века Д. Писарев: «Грамотность драгоценна для нас только как дорога к развитию».

Грамотность и образованность, к сожалению, часто принимаются за одно и то же. Даже на сайте историко-мемориального музея М.В. Ломоносова (с. Ломоносово Архангельской области) сообщается, например, что «... ко второй половине 18 века северное крестьянство было наиболее грамотным отрядом сельского населения России. Причём *образование, исторические знания и книжная культура* развивались главным образом за счёт *традиционного домашнего образования, подкрепляемого интересами земледельческо-ремесленной деятельности* и традициями духовной культуры, *гражданственного самосознания, свободы от личной крепостной зависимости* (всё выделено мною. – Л.Д.)».

На самом же деле, конечно, северному крестьянину тех далёких времён, которому неоткуда было ждать помощи в своей отчаянной борьбе за жизнь, за хотя бы относительное благополучие семьи в условиях, как мы сейчас говорим, рискованного земледелия, даже грамота была ни к чему. О духовном священник в проповеди скажет. «Детективные» истории о жизни богатырей и святых праведников можно у сказителей послушать. Как пахать и что именно сеять – мать с отцом научили ещё в детстве, причём с учётом условий Севера. Использовалось только то, что было опробовано не одним поколением землепашцев; ничто новое не принималось на веру или по приказу свыше. Хотя попытки такие в благих целях предпринимались.

Так, созданное в России в 1765 году Вольное экономическое общество одной из главных своих целей ставило распространение среди населения сельскохозяйственных знаний и передовых технологий, с успехом применяемых в зарубежных странах. В том числе речь шла о выращивании картофеля (в 18 веке его называли «земляным яблоком»). О культивировании картофеля в стране было принято специальное решение Сената. На места, в том числе в Архангельскую губернию, рассылались различные наставления и рекомендации по его разведению, завозились семена, в чём участвовал даже сам архангельский губернатор (1763-80) Е.А. Головцын. Однако крестьяне отвечали новаторам: «По Божественному изволению ни единого яблока урожаю не оказалось»; или: «Оных яблок не токмо произращения и приплоду, но и того, что было посажено в земле, не обыскалось...». Потребовалось почти сто лет робких проб и полученных-таки успехов, чтобы дело сдвинулось с мёртвой точки и процесс разведения картофеля на Севере пошёл.

Так что никакой «земледельческо-ремесленный интерес» или «гражданственное самосознание» не могли инициировать любую, пусть и прогрессивную в конечном итоге, деятельность, если она была связана с отступлением от традиций, опыта и уже наработанных навыков. Ведь это могло привести к непредсказуемым для конкретного человека результатам, недороду, а то и гибели урожая, то есть к жизнеугрожающим последствиям для него и его семьи. Поэтому в хозяйстве важна была одна грамота – «как матери да татушка робили». А уж если недород и случится – «на то воля Божья».

В начале 18 века известный просветитель того времени Феофан Прокопович пытался поднимать вопрос о просвещении крестьянства. В его «Разговоре гражданина с селянином да певцом или дьячком церковным»¹⁶, написанным около 1716 года, селянин бурно отстаивает свою точку зрения: он не хочет знать ничего, чего не знали его отцы и деды, и не желает учиться

¹⁶ Прокопович Феофан. Разговор гражданина с селянином да певцом или дьячком церковным / Публ. П.В. Верховского // Учреждение духовной коллегии и духовный регламент. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1916. С. 36.

грамоте, потому что, и не умея читать, ест хлеб, а грамотные философы «звёзд не снимают». Он так и заявляет: «Отцы наши не умели письма, но хлеб довольный ели, и хлеб тогда лучший родил Бог, нежели ныне, когда письмении и латинии умножились». Селянин в этом произведении – малоросс, но так рассуждали тогда, исходя из своего понимания, большинство крестьян в стране, в том числе и на Севере. Недаром ещё в конце 19 века школы в сёлах Архангельской губернии закрывались порой из-за того, что родители не отпускали детей на учёбу за абсолютной ненужностью в ней.

Для староверческих же семей грамотность, как мы уже говорили, была своего рода общественной повинностью. Поэтому цифра в 50 с лишним процентов может говорить не о какой-то фантастической образованности северного крестьянства в 18 веке, его якобы традиционной тяге к грамоте, а только о количестве явных раскольников в регионе. И, значит, по отношению к распространённости *грамотности* (умения писать и читать) эта цифра вполне реальна. Снижение же грамотности населения на Русском Севере до 24 процентов в начале 20 века можно объяснить как почти трёхвековой борьбой государства и церкви со староверием, так и военными, революционными событиями 1914-21 годов, ломавшими привычный уклад жизни, в том числе и связанный с образованием детей, а также полным искоренением большевиками скитского жизнеустройства старообрядцев уже в первые годы советской власти.

Сделать из всего вышесказанного уверенный вывод, что семья Луки Ломоносова была старообрядческой, мешает, вроде бы, тот факт, что он являлся какое-то время церковным старостой, а значит, обязан был посещать официальную церковь. Но и здесь не всё однозначно. Во-первых, обязанности церковного старосты были хоть и ответственные, но, в общем-то, как показано нами, сугубо мирские. Во-вторых, избравшие Луку односельчане, как и большинство жителей губернии, могли если и не числиться в расколе, то быть к нему склонны или благосклонны (т.е. принимали без осуждения). Недаром уже упомянутый нами архангельский историк и краевед И.М. Сибирцев считал, что «большинство жителей Архангельской губернии если и не числятся в расколе, то, во всяком случае, склонны к нему».

Русский писатель и общественный деятель Н.Р. Политур (1870-1928) считал: «Религиозная двойственность была особенной чертой жителей Холмогор»¹⁷. Это подтверждает и холмогорский священник А.Н. Грандильевский (1875-1914), подготовивший к 200-летию со дня рождения М.В. Ломоносова описание его малой родины, быта и нравов земляков: «Хотя старожилы говорят, что в Курострове были прежде чуть ли не все крестьяне раскольниками, однако духовные росписи показывают совершенно противоположное, именно: количество православных чуть не все полностью. Но как бы ни было, убеждение старожилов имеет в себе много правдоподобного. Действительно, записных и тайных раскольников церковные документы указывают на родине Ломоносова очень незначительное количество, *духом же раскола проникнуты решительно все* (выделено мною. – Л.Д.)»¹⁸.

Кроме того, к концу 17 – началу 18 века старообрядчество осталось без священников, поставленных до избрания (1652) патриарха Никона, и совершать «по старому» значимые таинства (венчание, крещение, исповедание и т.д.) стало некому. Об этом говорил в своё время ещё протопоп Аввакум (1620-82): «По старому служебнику и новопоставленный поп, аще в нём дух не противен, да крестит робёнка. Где же детца? Нужда стала... Как же в миру быть без попов? К тем церквам приходить»¹⁹.

О чём говорит неистовый протопоп? О том, что в церкви, где служат попы, в душе ещё не отрёкшиеся от старой веры и старых обрядов, ходить можно. Вот и получается, что хорошо,

¹⁷ Политур Н.Р. Михаил Васильевич Ломоносов и жизнь XVIII века. СПб., 1912. С. 10.

¹⁸ Грандильевский А.Н. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Описание ко дню двухсотлетнего юбилея от рождения сего первого русского учёного. Архангельск, 2009.

¹⁹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1992. С. 354-355.

если церковными старостами, организаторами выборов местных священнослужителей, станут люди, которые будут это учитывать и продвигать на выборах «своих» претендентов на служение, в которых дух «еще не противен». Недаром, как пишет известный исследователь культуры 18 века Г.Н. Моисеева (1922-93) «местное северное духовенство внушало светским властям большие подозрения своими тесными связями с расколом»²⁰.

А «где же детце», то есть, как быть, если всё же поп – никонианин? Если допрос устроит: как крестишься, почему в церковь не ходишь, когда на исповеди был? Но не все же были столь неистовыми, как Аввакум, поэтому два перста в кармане крестиком – и можно смело идти в церковь. Существовало, и существует до сих пор, поверье, что если сложить пальцы таким образом, то всё сказанное и сделанное не будет истинным и не совершится грех (отсюда же защитное значение кукиша в славянской народной традиции). А если «нужда стала» в истинной исповеди, то опять же по Аввакуму: «Исповедайте друг другу согрешения по Апостолу, и молитесь друг о друге, яко да исцелее».

Доктор исторических наук, археограф, источниковед, исследователь книжной культуры старообрядчества Н.Ю. Бубнов (1858-1943) в статье «Михаил Васильевич Ломоносов и старообрядчество» отмечал: «...практика тайной приверженности к расколу среди крестьян Поморского Севера была в эти годы широко распространена. Посещая для видимости православные церкви и являясь на исповедь, крестьяне затем келейно отмаливали свой „грех“, прибегая к особому обряду очищения от ереси. Таким путём они избегали не только преследований, но и уплаты двойного раскольничьего оклада»²¹.

Дети и внуки Луки Ломоносова

Есть и другие значимые, но обойдённые вниманием ломоносоведов, факты, дающие основание считать Луку и его семью, частью которой была семья Василия Ломоносова, старообрядческой. Лука, как уже говорилось, родился году в 1646м, его жена Матрёна – в 1652. Нет официальных данных, в каком именно году у них родился сын Фёдор, который в своё время женился на некой Пелагее Климентьевне, но известно, что в 1688 году она родила ему сына Никиту. Из этого факта можно сделать вывод, что Фёдор родился году в 1670 (плюс-минус два года), когда его отцу было 24 года, а матери – 18 лет. Других детей Господь им по какой-то причине не дал (по крайней мере, о них нет никаких упоминаний). Скорее всего, рос Фёдор слабым, часто болеющим ребёнком, так как известно, что он не погиб, а просто умер, прожив очень мало.

Это не могло не беспокоить семью: дети становились единственными кормильцами родителей в их старости. Когда Фёдор был уже подростком, Лука и Матрёна взяли на воспитание племянника Луки – Василия. В каком именно году это случилось и почему – неизвестно. Но предполагается, что в раннем возрасте, после смерти обоих родителей или одного из них (могло ведь быть и так, что после смерти мужа мать Василия, оставшись с четырьмя детьми на руках, впала в нужду, отчаяние или заболела). Возможно, Лукой двигало желание помочь родственникам в их беде, но при этом (особенно, зная дальнейшую судьбу Василия) нельзя отвергать мысль и о том, что Луке нужна была уверенность, что в случае ранней смерти сына они с женой не останутся без помощи.

Известно, что Фёдор умер в молодости (не просто молодым, а именно в молодости!). *Молодость*, по словарю В.И. Даля, – юность, состояние молодого; пора и возраст *до* середовых лет. Середовые годы, опять же по Далю, – 20-25 лет; к 30 годам человек обычно уже считался

²⁰ Моисеева Г.Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971. С. 59.

²¹ Бубнов Н.Ю. Михаил Васильевич Ломоносов и старообрядчество / Ломоносов и книга. Л., 1986. С. 28-35.

совершенно взрослым, возмужалым. Значит, Фёдор, родившийся примерно в 1670, умер не позже 1695 года.

Его отцу было тогда лет 50 (по Далю, это начало старости), матери – лет 45 (для женщины тоже серьёзный возраст, когда, по статистике, наступает менопауза). Природа устроена так, что немногие женщины в этом возрасте способны к оплодотворению. Об этом же говорил и сам Ломоносов в своём знаменитом письме «О сохранении и размножении российского народа»: «... женщины скорее старятся, нежели мужчины, .родят едва доле 45 лет, а мужчины часто и до 60 лет к плодородию способны». Но вот именно в это время – через 25 лет после рождения первого сына и сразу же после его смерти – семья Луки начинает активно и весьма физиологично (временной шаг – два-три года) множиться. В 1695 году рождается Мария Лукична, в 1698 – Иван Лукич, в 1702 – Татьяна Лукична.

Но до Татьяны, в 1700 году, в семье появляется ещё и Никита-младший, якобы ещё один сын Фёдора (уже, судя по всему, умершего несколько лет назад). С этим Никитой вообще столько непонятного, что некоторые исследователи даже сомневаются в его существовании. В переписной книге Архангельска и Холмогор 1710 года, где, как мы уже говорили, впервые появляется фамилия «Ломоносов», его нет: «На деревне Мишанинской <д>вор: Лука Леонтьев сын Ломоносов штидесяти пяти лет, у него жена Матрёна пятидесяти восьми лет, сын Иван двенатцати лет, две дочери: Марья пят<н>атцати лет, Татьяна восьми лет, земли верев<ной> тридцать три сажени; у него же житель на подворьи Василей Дорофеев сын Ломоносов тридцати лет, холост». Но нет, как видим, и Никиты старшего 22-х лет, который уже живёт в Архангельске и работает там в таможене.

Это была душевая перепись, а не подворная, как делалось до середины 17 века. При подворной переписи, чтобы платить меньше налогов, хитрили так: при известии о подходе переписчиков быстренько снимали изгородь и соединялись дворами с живущими рядом семьями взрослых детей – мол, у нас один двор, одно хозяйство. При душевой переписи записывали всех облагаемых податями лиц мужского пола, включая детей (последних – с указанием возраста). Поэтому стали избегать «лишних» налогов тем, что прятали самых маленьких детей мужского пола у родственников, например, в соседнем селе. Малыши тогда очень часто умирали: переписали его, налог начислили, а он возьми да и умри в скором времени. А следующая перепись, которая снимет этот налог с умершего, только лет через десять. Скорее всего, и Лука в 1710 году так же рассуждал.

Никита-младший впервые «материализовался» в переписной «скаске» 1719 года: «Лука Леонтьев сын Ломоносов 73 лет. У него сын Иван 20 лет. Его же внук Никита Фёдоров 18 лет». Мы уже говорили, что в переписных документах тех лет нередко встречаются разные неточности. Как в данном случае сын превратился во внука, сказать трудно, скорее всего, путаницу внесли их одинаковые имена, а также «странная» разница в возрасте: внуку (Никите старшему) – за 30, а сыну (Никите младшему) – около 20 лет.

Но кто рожал Луке этих детей: старая Матрёна или была другая женщина? Была! После смерти Фёдора в семье Луки осталась его молодая вдова Пелагея Климентьевна. Известно, что она прожила не менее 40 лет в доме свёкра, который оставила практически сразу после смерти старика: в 1729 году она записана уже в Архангельске. Можно ли представить, что по всем меркам старая Матрёна после 25 лет «простоя» или выкидышей вдруг ни с того, ни с сего так молодецки физиологично рождает одного за другим четырёх (!) детей, а молодая, в самом расцвете жизненных сил вдова Пелагея их нянчит, растит (после 1710 года о Матрёне уже нет никаких сведений), выводит в люди. Да ещё и ухаживает за чужим стариком до самой его смерти, хотя у того есть две родные дочери? Нет никаких разумных объяснений этого феномена. Конечно, в народных сказках старухи при очень большом желании могли, с помощью волшебных сил, обзавестись дитём, например, Снегурочкой или Мальчиком-с-пальчик. Но – одним ребёнком, а не четырьмя погодками!

Или всё же так бывало на северной земле? Попробуем проверить. В 2013 году в Санкт-Петербурге вышла в свет книга архитектора, искусствоведа и писателя М.И. Мильчика «Город Холмогор был многолюден и знаменит...». В ней, в частности, приведены данные переписной книги Холмогорского посада за март 1710 года. Поскольку Холмогоры расположены в непосредственной близости от Курострова, где жили наши герои, сравнение состава семей этих двух населённых пунктов можно, думается, считать корректным.

Итак, посмотрим складывающуюся из цифр картину. В целом в Холмогорах переписано 904 человека из 250 семей. В некоторых из этих семей жили вместе бабушки и деды, матери и отцы, родные и двоюродные братья и сёстры хозяев, дяди и тётки, племянники и приёмьши... Был даже один подсоседник, то есть (по словарю В.И. Даля) обедневший крестьянин или посадский человек, не имевший самостоятельного хозяйства и живший на чужом дворе.

Вдовы снохи с детьми указаны всего в двух семьях. В обеих – это жёны умерших братьев хозяев. В одном случае запись вызывает сомнение: и у хозяев (65 и 50 лет), и у 40-летней снохи зафиксированы 30-летние сыновья Иваны и 18-летние дочери Марфы; у хозяев ещё записана 15-летняя дочь Пелагея (скорее всего, Иван и Марфа – хозяйские дети, Пелагея – дочь снохи). В другом случае ситуация, вроде бы, более схожа с рассматриваемой нами: 50-летняя сноха живёт в доме брата её умершего мужа с четырьмя детьми 25, 15, 10 и 3-х лет. Можно предположить, что, по крайней мере, последний ребёнок – их совместный. Но так как 59-летний хозяин тоже вдов, то, значит, они оба – свободные люди, что в корне меняет картину их отношений.

В случае Луки, Матрёны и Пелагеи Ломоносовых трудно сказать, по своей ли воле молодая вдова сошлась со свёкром, силой ли он взял её при живой жене – дело тёмное, но не такое и редкое в жизни. И однозначно нехорошее – с точки зрения православной церкви, да и народной морали (таких мужиков презрительно называют *снохач*). А вот с точки зрения некоторых течений староверия, отвергающих институт брака (к таковым относились и староверы поморского толка), – вполне нормальное дело.

Это явление было достаточно распространено в среде староверов и даже дожило до 20 века. Так, в конце 1990-х годов члены Камской археолого-этнографической экспедиции, созданной на базе Пермского отделения Всероссийского общества охраны памятников искусства и культуры (ВООПИиК), фиксировали рассказы жителей этого края об этике семейных и родственных отношений в старообрядческой среде: «Подруги были только кержачки (кержак, кержачка – народное название староверов – *Л.Д.*), чем больше подруг, тем больше почёт для мужчины. Муж лежит на лавке и кричит: „Старуха, наливай!“, она уже бежит, другая на полатях еле-еле, а третья стряпает и с им спит»²².

Итак, с 1694 по 1702 год семья Луки увеличилась до девяти человек. К моменту рождения последнего ребёнка главе семейства было 56 лет. По тем временам – несколько лет как перешёл в разряд стариков, а надо было ещё лет 15-20 поднимать этих только что народившихся детей-погодков, заботиться о них. Лука в это время ещё ходил на промысел, но ведь любой сезон на море для старика мог стать последним. Гибель и «морские» заболевания постоянно создавали численный перевес женского населения над мужским, особенно начиная со зрелого возраста 30-40 лет; к старости этот перевес резко увеличивался – старух в Поморье было, по сведениям «Архангельских губернских вестей», чуть не втрое больше стариков.

На кого же надеялся Лука в случае своей смерти? Кто тогда должен был кормить-поить, обувать-одевать его ораву, чтобы не пошли детки по миру? Тут ответ может быть только один – племянник Василий, которого Лука воспитывал, как мы знаем со слов М.В. Ломоносова, в «крайнем невежестве», то есть в жёстком староверии. В староверческих семьях подчинение старшим было бесспорным и всё начиналось только с благословения отца или матери

²² Агафонова Н.Н. Некоторые аспекты традиционно-бытовой культуры Пермского старообрядчества // Труды КАЭЭ ПГПУ Вып. 1-2. Пермь, 2001. С. 66.

даже в домашних делах (батюшка, благослови печь затопить; матушка, благослови за водой сходить), не то что в определении своей судьбы. Да и сам «добрый по натуре» парень не смог бы, наверное, бросить выросившую его приёмную семью. Скорее всего, к началу 1700-х Василий уже и не мечтал о собственном доме.

И всё-таки в 1710 году он женится. Ему уже за тридцать; в этом возрасте чаще всего обретают собственную семью или по большой любви, или по расчёту, или по сговору старших членов семьи. Расчёта тут, вроде, нет никакого: Елена – дочь вдовы-просвирицы (примем эту версию), живущей на чужом подворье за счёт того, что ей разрешено выпекать просвиры. Значит, любовь? Но зачем же тогда молодой муж привёл любимую (да ещё, вроде бы, дочь православного священника!) в дом дяди, где царит «крайнее невежество», где сосуществуют жена и наложница (именно так именовалась женщина, открыто сожительствующая с женатым мужчиной), где перемешались дети и внуки хозяина, где ты будешь век растить не только своё, но и чужое потомство?

Наверное, найдутся люди, которым не понравится моё «копание» в тайнах семьи Луки. Но здесь нет никакого злого умысла, желания осудить или того хуже – опорочить этого человека. Он жил как хотел и как мог в рамках своего времени, своей веры, традиций, семейного воспитания. Мне просто нужно было понять, как именно жил он и те, кто жили вместе с ним, то есть: *как всё было на самом деле*. Ведь я же сама себе ставила вопросы и для себя искала ответы на них, поэтому не раз и не два перепроверяла все факты, крутила их и так, и эдак. Например, почему у Матрёны не было других детей, кроме Фёдора? Болела, но, когда умер сын, вылечилась у какой-нибудь знахарки, чтобы нарожать новых детей «на замену» ему? Почему не лечилась раньше? Да и можно ли так удачно вылечиться под старость после 25 лет бесплодия? Тем более – в то время.

Кроме того, у неё был внук, сын Фёдора, которому она могла посвятить себя, не подвергаясь риску столь поздних беременностей. А риск был очень велик; ведь недаром с древности считалось, что во время беременности женщина «девять месяцев на краю открытой могилы стоит», а уж в преклонные годы – тем более. Да и после родов могли быть серьёзные осложнения (как мы потом увидим, именно после родов умерли, например, вторая и третья жёны их с Лукой воспитанника Василия). Нет, как ни крути, матерью детей Луки старой Матрёне стать было очень и очень проблематично, а значит – *см. выше*.

Сейчас во многих статьях о жизненном пути М.В. Ломоносова можно прочесть, что родился он «в довольно зажиточной крестьянской семье». Это, полагаю, явная натяжка. В период рождения сына и до смерти Елены, когда Михайле исполнилось 9-10 лет, семья Василия Дорофеевича не была самостоятельной, она являлась частью большой (11 человек) семьи, главой которой был Лука Леонтьевич. Василий, по переписи 1710 года, имел, да и то в общей собственности с дядей, только доставшиеся ему по наследству 34 сажени пахотной земли, которая сама по себе ничего не даёт – её надо обрабатывать, а это практически невозможно для рыбопромышленника, с ранней весны до поздней осени находящегося на промысле в океане. Да и можно ли назвать зажиточной семью, ютящуюся на подворье у родственников и обязанную содержать своим трудом этих родственников и их детей?

Сохранившиеся документы (купчие и закладные) опровергают предположения о некоем богатстве и Луки. Так, в 1698 году куростровцы Дементий и Панкрат Чюрносовы заняли у него 20 рублей, выставив залогом их возврата поле пахотной горней (расположенной на высоком месте) земли «прозванием Дворище». Через год братья не смогли вернуть заёмные деньги, и земля перешла к Луке. Через три года, в 1702 году, деньги потребовались уже Луке. Он занимает 20 рублей «московских денег» у Афанасия Шубных под залог этой же земли. Долг был возвращён, и Дворище вернулось к Луке. Осенью 1709 года Лука снова идёт за деньгами к Афанасию и вновь получает требуемую сумму под залог всё того же поля (судьба этой сделки неизвестна). В 1714 году у Луки снова возникли финансовые трудности. И он продаёт Кузьме

Сазонову за десять рублей свои и племянника Василия пожни сенных покосов «за рекой на Микифоровке». То есть он всё время в нужде.

И вспомним, что писал о жизни крестьян на родине учёного П.И. Челищев, побывавший в Холмогорах и на Курострове в 1791 году: «Бедные ж и не имеющие, кроме хлебопашества, никакого рукоделия, отходят в заработки в Петербург и работают в городе Архангельске при адмиралтействе, бирже и в заводах, в реках и озёрах ловят рыбу»²³. Именно такой была большая семья Луки Ломоносова; его вырастающие дети и внуки не могли, как зажиточные, остаться дома, поднимать здесь своих детей, сеять жито, растить скот, заниматься мастерской работой. Конечно, они не плотничали на стапелях адмиралтейства, не разгружали суда на бирже, но и труд таможенного писаря был, видать, слишком ответственен и нелёгок, если столь недолгим оказался их земной путь.

Так, известно, что оба Никиты умерли, как говорится, в самом расцвете сил: старший – в 38, младший – в 29 лет. Но старший уже к 24 годам построил собственный доходный дом в Архангельске, часть которого сдавал внаём. Как ему удалось это? Вряд ли только трудами праведными. Как писал архангельский историк-краевед и просветитель В.В. Крестинин (1729-95), приезжие купцы по действовавшему в то время торговому уставу 1667 года «...на чужих городах должны были для платежа внутренних пошлин записывать в таможенных книгах все продажи и покупки товаров гуртом, под потеряннем, в противном случае, своих товаров». Можно не сомневаться, как действовали те купцы, которые хотели и пошлинные платежи сократить, и товар не потерять. Крестинин поясняет: «таможенные подьячие (...) богаты были доходами от купцов; почему пословица была: таможня золотое дно»²⁴.

Дом был построен, очевидно, не без финансовых проблем. Поэтому в 1713 году 67-летний Лука вновь избирается старостой. И это притом, что восемь лет назад он уже был, как мы упоминали выше, на этой должности, которая исполняется на общественных началах. Денег за такую работу не платят, а хлопот – полон рот, поэтому личное желание кандидата в старосты приветствовалось, особенно если до этого за ним не наблюдалось ничего плохого. Но вот надо же, на этот раз у старосты Ломоносова обнаружилась недостача в 30 рублей, которые, якобы, были отданы, но без расписки, как «переводные за подьячих», некоему горожанину Ивану Фёдорову сыну Попову. Иван же категорически утверждал, что никаких денег от Луки он не получал и требовал предоставить ему эту сумму.

Крыть было нечем, и деньги по казённому взысканию пришлось возвращать. Кстати, для этого Луке пришлось продать часть земли, которой он владел совместно с племянником. Кроме того, он как-то сумел впутать в это дело ещё одного старосту, который платил недостачу с ним на равных. Так что ещё вопрос: один ли такой «промах» был у опытного Луки при сложившейся практике исполнения выборных должностей? Известно, что одной из главных забот посадских и уездных старост были «поспешные казённых денег сборы в посаде и непрестанное за тем сбором самих старост хождение в дома посадских людей, для приёмов от них частных платежей гражданская дани». Очевидно, на этой должности можно было, при определённой ловкости и хитрости, неплохо пожить, что и делал, например, архангелогородский купец Алексей Голубин, служба которого в городских старостах, пишет В.В. Крестинин, «отличалась злоупотреблением казённых и народных денег».

Современный вологодский историк А.В. Камкин также пишет: «...провинциальная администрация всех уровней не раз выражала свою озабоченность в связи с *постоянно* (выделено мною. – Л.Д.) имеющими место жалобами крестьян на самоуправные действия отдельных

²³ Челищев П.И. Путешествие по Северу России в 1791 году. СПб., 1886.

²⁴ Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском. М., 2009.

сельских выборных, в том числе на незаконные поборы: „мирским людям отчёту не дают, куда собранные сверх податей денги издержаны”»²⁵.

Возвращаясь к проблемам строительства дома Никитой старшим, можно предположить, что «разрулить» их помог уже побывавший во власти и ведающий разные тонкости этой службы Лука. И не о наивности и простодушии старосты, которому «народ доверил власть», говорят приведённые выше факты, а, скорее, о его прагматичности и способности найти выход из любой ситуации и любыми средствами, что не всегда хорошо с точки зрения общественной морали.

Так что, думается, зря И.М. Сибирцев, на которого мы здесь уже не раз ссылались, называл Луку Ломоносова человеком зажиточным и степенным. И зажиточным он, как видим, не был, и степенным (то есть особо уважаемым, почитаемым) его, так проштрафившегося в случае с Иваном Поповым, односельчане вряд ли после этого могли считать. Может быть, поэтому Михаил Васильевич потом не сказал о двоюродном деде, в доме которого провёл всё детство, ни одного слова, не привёл в пример его опыт кормщика и морехода, хотя многие исследователи теперь пытаются представить Луку Ломоносова очень уважаемым и даже знаменитым среди поморов человеком. Каких-либо других известных оснований для этого, кроме его активной выборной деятельности, нет.

И ещё о детях-внуках Луки. В 1722 году, когда Пётр Первый издал указ о перенесении всей внешней торговли с Северной Двины на Неву, востребованность таможенных служащих в Архангельске значительно снизилась. Поэтому холостой младший Никита, которому в Архангельске нечего было терять, перевёлся на работу в Санкт-Петербург. Домовладелец же Никита-большой остался дома, надеясь, очевидно, как-нибудь пережить трудные времена, но не получилось. Известно, что он вместе с двумя товарищами – Яковом Ляским и Василием Фоминым в начале 1725 года приезжал в Петербург, возможно, пытаясь устроиться в столице на работу, так как в Архангельск в том году прибыло с товарами всего 19 судов (в 1710-м, например, их было 154). Это не удалось, и друзья, заняв у проживающего в Петербурге иноземца Франца Фондорта 30 рублей, ни с чем возвратились в апреле того же года домой, обязавшись уплатить свой долг в Архангельске доверенному Фондорта «купецкому человеку Логину Бекану».

Через полтора года, 8 декабря 1726 года, Никита-старший умер бездетным. Долг Фондорту он так и не смог вернуть. А поскольку дом его перешёл в наследство матери – Пелагее Климентьевне, то ей и пришлось гасить долги сына. Кстати, данный документально засвидетельствованный факт может также о многом говорить. Например, о том, что это строение являлось объектом вложения денег не только внука, но и деда Луки. Оформив на внука дом, значительная часть помещений которого сдавалась внаём, старик, видимо, на равных получал с этого свою часть дохода. Но содержать строение, ремонтировать его, вносить необходимые платежи должен был живущий здесь Никита. Пока таможня работала на полную, как говорится, мощностно, это не особо его напрягало, но когда поток грузов, идущих через порт, сократился почти в десять раз, он, как и его коллеги, впал практически в нищету.

Об этом может говорить, например, такой достаточно известный факт: за несколько месяцев до своей смерти, в марте 1726 года, подьячий Архангелогородской таможни Никита Ломоносов старший провёл среди своих лишившихся «золотого дна» товарищей сбор средств на строительство церкви на Курострове. Удалось собрать в коллективе только «полтину денег» (50 коп.), которые были переданы церковному строителю Лопаткину. Выше и ниже *этой* записи в тетради учёта поступлений взносов на строительство куростровской церкви зафиксировано, что пожертвования составляли в основном пять, десять и даже двадцать рублей.

²⁵ Камкин А.В. Там же.

Престарелый дед и ухаживающая за стариком мать вряд ли могли помочь Никите старшему в решении свалившихся на него проблем. Возможно, именно они, эти проблемы, и свели подъячего так рано в могилу. Лука умер через три месяца после его смерти. Пелагея Климентьевна скоренько перебралась в Архангельск, вступив во владенье домом сына. Бездетная вдова Никиты Евдокия не очень переживала по этому поводу: овдовев, она вскоре вышла замуж за вдового же капитана архангелогородского гарнизонного полка Григория Воробьёва, сохранив, видимо, добрые отношения с семьёй Ломоносовых. По крайней мере, именно её второй муж в декабре 1730 года, будучи уже холмогорским воеводой, помог получить паспорт М.В. Ломоносову, когда тот собрался в Москву.

А вот о судьбе то ли сына, то ли внука Луки – Никиты меньшого, прожившего на свете 29 лет, никаких подробностей не сохранилось. Ещё меньше известно о сыне Луки Иване, которому было отпущено земной жизни и того меньше – всего 22 года. Его бездетная вдова Наталья, как и 25 лет назад вдова Фёдора (а по нашей реконструкции – и мать этого Ивана), также осталась в доме свёкра, где продолжала жить и после смерти мужа. Похоже, Наталья любила (жалела, как говорили раньше) своего умершего совсем молодым мужа. Хотя, может быть, ей просто некуда было деться после его смерти.

Вот такой я увидела семью Луки Леонтьевича Ломоносова, в которой Михайло Ломоносов провёл первые годы своей жизни. И главный вывод на этом этапе уже увлёкшего меня исследования: семья была очень непростой и однозначно – старообрядческой.

Далее будем исследовать жизненный путь самого Михайлы. И пусть никто не упрекнёт меня в неприличности этого желания. Ещё поэт К. Батюшков (1787-1855) обосновал интерес к этой теме в статье «О характере Ломоносова»: «Без сомнения, по стихам и прозе Ломоносова мы можем заключить, что он имел возвышенную душу, ясный и проницательный ум, характер необыкновенно предприимчивый и сильный. Но любителю словесности, скажу более, наблюдателю-философу приятно было бы узнать некоторые подробности частной жизни великого человека; познакомиться с ним, узнать его страсти, его заботы, его печали, наслаждения, привычки, странности, слабости и самые пороки, неразлучные спутники человека».

Университеты Михаила Ломоносова

Врата учёности

Как и историк М.И. Белов, я также уверена теперь в том, что Михайло Ломоносов ещё в детстве начал учиться писать и читать именно в своей семье, где, как мы видим, почти все взрослые члены и подростки (по крайней мере – мальчики) были не только грамотными, но и занимались различными письменными трудами регулярно.

А как же быть с мифами? Например, А.А. Морозов, автор замечательной биографической книги «Ломоносов. 1711-1765», которая вышла в 1952 году в Ленинградском газетно-журнальном и книжном издательстве, а затем неоднократно печаталась огромными тиражами в издательстве «Молодая гвардия» в популярнейшей серии ЖЗЛ, писал: «По преданию, возможно более позднему, дьячок, обучавший Ломоносова, скоро пал в ноги своему ученику и смиренно повинился, что обучать его больше не разумеет»²⁶. Е.Н. Лебедев (1941-97), автор ещё одной беллетризованной биографии учёного, вторил: «На Курострове долго передавалось из уст в уста предание о том, что дьячок (вероятней всего, это и был Семён Никитич Сабельников), обучавший Ломоносова грамоте, очень скоро упал перед отроком на колени, со смиренным благоговением признавшись, что больше ничему научить его не может»²⁷.

Помню, в школе мне это так и представлялось: маленький скрюченный старичок на коленях перед будущим учёным – небось, уже понимал, что перед ним гений! Но это восприятие ребёнка. Как теперь, воскресив в памяти эту картинку, принять её за «правду жизни»? Разве может взрослый человек, *священнослужитель* (церковнослужителем, то есть обслуживающим церковное действо псаломщиком, дьячок в православной церкви стал только после церковной реформы 1868 года) упасть перед девятилетним пацанёнком на колени только потому, что обучение его грамоте окончено? Ведь эта человеческая поза ещё со времён татаро-монгольского ига означала, как известно, смирение и даже самоуничижение.

Картина абсурдная, и в то же время рассказ о коленопреклонении, связанном с обучением отрока Михайлы, дошедший до нас с вами через три века, не кажется придуманным. Но перед кем, если не перед ребёнком, мог в этом случае стоять на коленях не просто взрослый человек – священнослужитель? Перед его отцом, если тот нанял дьячка для обучения сына? Зачем? Чтобы получить больше денег за учёбу или от страха, что Василий его побьёт за то, что срок учёбы оказался мал? Бред. Перед священником островной церкви, радевшим о грамотности детей в своём приходе? Но что-то не приходилось слышать, чтобы члены клира хлопались друг перед другом на колени из-за мирских дел. Да и вообще в практике православной церкви становиться на колени не принято. Кланяться – да, но падать на колени по собственному произволению, тем более по такому поводу, – нет.

В данной ситуации есть только один человек, перед которым Сабельников мог, по словам Е.Н. Лебедева, именно *со смиренным благоговением* встать на колени, – это холмогорский архиепископ. И то, по контексту, если владыка поручил дьячку приватно позаниматься с мальчишкой, и теперь тот отчитывается перед его преосвященством, считая, что не смог выполнить это поручение так, как ожидалось, поскольку ребёнок грамоту уже разумеет. Однако зачем архиепископу надо было заботиться о грамотности сына крестьянина? Попробуем ответить ниже и на этот непростой вопрос.

²⁶ Морозов А.А. Михаил Васильевич Ломоносов. 1711-1765. Л., 1952.

²⁷ Лебедев Е.Н. Ломоносов. М., 1990.

По мнению специалистов музея Ломоносова в его родном селе (информация размещена на сайте музея), подросток для собственного самообразования «пользовался книгами религиозного и даже светского характера как из крестьянских, так и монастырских (Антониево-Сийского и Соловецкого монастырей) библиотек, а также библиотеки холмогорского архиепископа Афанасия».

Однако совершенно невозможно представить себе картину получения крестьянским подростком книг, например, из библиотеки Соловецкого монастыря, расположенного на островах в Белом море и отстоящего от Курострова на сотни километров. По сравнению с ним Антониево-Сийский монастырь будет почти рядом, но тоже километров сто надо прошагать. А главное, в ту пору не то что из монастыря, но даже из сельской церкви книги частным лицам не разрешалось выносить, чтобы свечным воском не закапали, грязными руками не залапали, чтобы дети не порвали, потому что книги тогда были очень дорогим удовольствием. Архиепископ же Афанасий вообще умер за девять лет до появления на свет Михайлы Ломоносова. Его книги легли в основание библиотеки епархии, доступ в которую был, думается, абсолютно невозможен рядовым прихожанам, особенно при возглавлявшем тогда епархию выходец из Малороссии Варнаве, о котором мы поговорим ниже.

О «крестьянских библиотеках», которыми якобы пользовался у себя на родине юный Ломоносов, легенду (скорее всего – нечаянно) создал уже упомянутый нами писатель А.А. Морозов. Пытаясь объяснить природу феноменальных способностей сына рыбака, он писал: «Постигнув грамоту, Ломоносов стал усердно разыскивать книги. Русская северная деревня оказалась книгами не скудна. Жаждавший чтения Ломоносов скоро разузнал, какие книги находятся у каждого из его соседей». Этот рассказ о розыске и выборе книг, которые в начале 18 века имелись якобы у *каждого* из соседей, нереален: он из той же серии, что и утверждения о поголовной грамотности всех северных крестьян, имевших чуть ли не врождённую любовь к книге и печатному слову.

Нельзя забывать об автаркичности (самодостаточности) натурального хозяйства северного крестьянина, опирающегося на собственные ресурсы и обеспечивающего себя всем необходимым, что являлось не только основой экономики, но и образом его жизни, а значит, и мышления. Человек, живущий в экстремальных природных условиях приполярного края, на генетическом уровне сознавал, что залогом существования и благополучия семьи и его лично является именно самодостаточность: в натуральном крестьянском хозяйстве должно быть *всё своё* для жизни, работы и отдыха.

Я с середины 1960-х три десятка лет проработала журналистом в одном из самых архаичных районов Архангельской области – Мезенском, объездила его вдоль и поперёк, жила во время командировок по несколько дней в крестьянских семьях в самых отдалённых деревнях, где сохранялись нравы и обычаи исконного северного крестьянства, где ещё можно было встретить человека, никогда не бывавшего даже в районном центре. И могу свидетельствовать: выпрашивать что-либо (даже на время) в натуральном крестьянском хозяйстве не было принято. Не потому что не дадут, а потому что с малечку знали: в каждом доме всё должно быть своё – и коса, и напарье, и лодка, и ружьё. Это же относится и к книгам. Чего нет – значит, того и не надо, а если надо – значит, будет, но своё. И я уверена, что ходить по домам, выглядывать и кланчить книги у односельчан Ломоносов не мог по определению.

Да, у него могли быть книги, полученные от детей соседа Дудина после смерти их отца. Но это не просто светские книги, как их обычно называют, а учебники (учебные руководства). Как они оказались в доме крестьянина? Такие учебники если и покупались, то чаще всего сельским миром в складчину и хранились в церкви, где обучением основам грамотности крестьянских детей из православных семей занимались дьячок или кто-то из священнослужителей. Книги, в том числе и учебные, из церкви, как мы уже говорили выше, не разрешалось выносить.

В библиотеках приходских церквей, считают исследователи²⁸ насчитывалось порой до 30 общественных книг. В состав же домашней библиотеки православного крестьянина 18 века, которую могла себе позволить далеко не каждая семья, обычно входили святцы, служебники, каноники, иногда – сборники житий, духовного чтения и т.п., а также документы гражданского характера (купчая крепость о продаже земли, платёжная книжка крестьянина для уплаты податей с расписками сборщиков, заговоры и т.п.). Крестьяне могли обменивать, продавать или покупать книги с рук, но отдавать просто так?

А вот крестьяне-староверы действительно имели порой достаточно большие собственные библиотеки, состоявшие, правда, не из светских, а запрещённых «старых» книг, беспощадно уничтожаемых никонианами и поэтому старательно множимых их врагами-раскольниками, которые те хранили бережно и тайно. Но о таких библиотеках знали только «свои», такие книги на люди не выставляли. Многие их общины имели собственные библиотеки, так называемые «соборные книги». Староверы учили детей дома, покупая учебники сами, или получали их из скитов и монастырей с условием обучения грамоте также детей единоверцев.

Именно к таким староверам мог относиться и Христофор Дудин, отец которого, Павел Владимирович, был «старопоставленным» священником, служившим в холмогорских храмах в ту пору, когда необратимость раскола ещё не начала обозначаться и в церквях нередко по-прежнему служили «по старой вере», о чём мы говорили выше. Но сыновья его, пойдя они по стопам отца, были бы уже «новопоставленными», то есть никонианами, и должны были бы служить по новой вере. Возможно, поэтому Христофор, о котором мы говорим, вышел из духовного сословия и стал крестьянствовать. У него действительно могла быть своя библиотека старопечатных и рукописных книг, в том числе спасённых отцом-священником от уничтожения при смене церковных книг на новопечатные.

В сельской старообрядческой общине, рассуждая логически, просто должны были иметься специальные договорённости с грамотными единоверцами, например, с отошедшими от дел стариками, которые для обучения детей получали учебники из старообрядческого монастыря. Думаю, когда они уже не могли заниматься этой общественной работой, то «сдавали» книги обратно в монастырь или передавали их тем, кому скажут. Было даже такое понятие – «передвижная школа», где занятия в своём доме какое-то (возможно, длительное) время ведёт один общинник – народный, скажем так, учитель, затем он передаёт «школу» другому и так далее (по этой системе в конце 19 века уже официально создавались школы в отдалённых малочисленных населённых пунктах Русского Севера, например, в Карелии). Отказаться от такого поручения вряд ли было можно, поскольку у старообрядцев были свои законы, свои надзиравшие за их исполнением люди.

У меня староверкой была прабабушка Анна Дерягина, жившая в деревне Повракула, что под Архангельском. В огромном, построенном её сыном собственными руками доме, который до сих пор стоит в центре поселения, у неё была своя комната, в которую нам, детям, приезжавшим изредка из города, не разрешалось входить, хотя дверь туда всегда была приоткрыта. Но однажды, когда дома кроме меня никого не оказалось, баба Аня, уже лежащая больная, попросила пить. Я зачерпнула кружкой воду из ведра и осторожно вошла в её комнату. Первое, что бросилось в глаза, – тёмная икона в красивом серебряном окладе, перед ней зажжённая лампада, под ней маленький столик на гнутых ножках, на котором лежало несколько больших толстых книг; одна из них была раскрыта.

Пока бабуля пила, я шмыгнула к столику, но тут же была остановлена её резким окриком. К тому времени я уже умела читать, и мне очень хотелось посмотреть, что написано в этих толстых книгах. Но баба Аня больше не звала меня в свою комнату. Вскоре она умерла, а спустя

²⁸ Драчкова Е.С. и др. Библиотеки крестьянские на Севере. Поморская энциклопедия в 5 тт. Т. 4: Культура Архангельского Севера. Архангельск, 2012. С. 93.

несколько дней после похорон в дом пришла незнакомая женщина: «из города», как говорили потом. Она попросила отдать бабушкины книги. Мама сначала замаялась, но женщина строго сказала, что раз в семье нет больше людей, придерживающихся старой веры, оставлять эти книги у себя без надобности – грех. Кем была эта женщина, откуда она узнала, что баба Аня умерла, чьи это были книги на самом деле, мама, прошедшая активное пионерское детство, комсомольскую юность и фронтовую молодость, не знала, но, услышав слово «грех», отдала их беспрекословно.

Христофор Дудин, в доме которого Михаил Ломоносов увидел учебники, вполне мог быть старообрядческим «народным учителем», о которых мы говорили выше. Но, вероятно по болезни, он больше не брал учеников. Тогда подросток и стал просить у него учебные книги, будучи уверенным, что они общественные. Но старик должен был получить на это разрешение, которое, вероятно, и состоялось, но пришло уже после его скорой смерти. Вот почему Дудины отдали книги Михайле. Если бы это было не так, «врата его учёности» вернулись бы в монастырь или, если были куплены самим Дудиным, остались бы в семье для обучения его собственных детей, внуков и правнуков. Тем более что старший сын Христофора уже был выучен отцом и понимал истинную ценность домашних учебников при почти полном отсутствии школ в то время.

А детей в семье Дудиных было много. Историк М.И. Белов, на основании архивных данных²⁹, писал, что «...в 1710 году Христофор Павлович имел 31 год от роду. В этот период у него трое детей: дочь Марфа (8 лет), сын Василий (7 лет) и дочь Федора (3 года), а жене Дудина Степаниде – всего 20 лет. Скорее всего, он был женат вторично, и от этого брака позднее родилось ещё несколько детей»³⁰. Как известно, молодая жена родила «старикку» Дудину, умершему в 45 лет, троих сыновей: Егора, Осипа и Никифора. Судя по очередности имён, Егор, скорее всего, – ровесник соседского Михайлы Ломоносова, Осип младше на три года (он стал прославленным косторезом, поэтому год рождения его известен – 1714), а Никифору было и того меньше, поэтому учебники, особенно если они были *куплены* их отцом, им самим были ещё ой как нужны!

Выманить книги у таких малышей Михайле, конечно, не составило бы труда, никакой «свечкой теплиться» не надо. Вот только вряд ли бы старшие члены семьи это позволили. После смерти Христофора 21-летний Василий, который работал приказчиком у купцов Бажениных, должен был стать учителем для своих братьев или организовать их обучение как положено: по псалтыри служебной, учебникам Магницкого (арифметика) и Смотрицкого (грамматика). Но по каким книгам они учились, если отдали свои учебники соседу, который якобы «потом с ними никогда не расставался», выучил наизусть и даже взял зачем-то с собой в Москву, хотя здесь, на Курострове, они могли принести пользу многим, а не только дудинским детям и внукам.

Историк Камкин в книге «Общественная жизнь северной деревни XVIII века» утверждает: «...грамотные крестьяне, при отсутствии в деревне XVIII века какой-либо системы государственных школ, фактически продолжали соучаствовать в воспроизводстве грамотности среди новых поколений. Есть факты перерастания такой деятельности в профессиональную, в своего рода интеллектуальное ремесло: материалы переписи 1785 года фиксируют в крестьянской среде „мастеров грамоты” – переходящих учителей. Но чаще всего грамотный естественным образом брал на себя труд по обучению чтению и письму своих детей. Складывались династии грамотеев, в семьях которых первые шаги к грамотности и книжности дети совершали с помо-

²⁹ ДАГК, № 1, л. 527.

³⁰ Белов М.И. Там же.

щью своих родителей. Порой три-четыре поколения проходили этот путь по одним и тем же книгам»³¹.

Кстати, достоверно известно, что один из внуков Христофора, он же сын Осипа – Пётр Дудин освоил грамоту и счёт (значит, учебники всё же остались в семье) и по ходатайству Ломоносова был принят в 1758 году в гимназию Академии наук в Петербурге «для обучения математике, рисовальному художеству и французскому языку». Знание математики помогло ему впоследствии стать купцом, а пригодились ли рисовальное художество и французский язык – неизвестно.

Итак, с 1724 года 13-летний Михайло, уже освоив азы письма и чтения, заимел учебники и начал своё образование. Хотя вообще-то это могло произойти много раньше. По данным «Православной энциклопедии» (Интернет-версия, статья «Варнава»), ещё в 1714-19 годах Архангельский и Холмогорский архиепископ Варнава получил несколько указов Сената об учреждении в Холмогорах навигацкой школы. Открытие её состоялось в 1720 году, когда сын морехода и промысловика Василия Ломоносова начал ходить с отцом в море. Летом на промысел, зимой в школу, осваивать штурманско-шкиперское искусство – куда бы лучше? Но нет, то ли Михайло, которому шёл десятый год, ещё не обрёл к тому времени желание учиться, то ли отец решил, что и сам преподаст ему морскую науку, но биографам учёного ничего не известно о посещении им навигацкой школы в Холмогорах. Хотя, казалось бы, в ногах у отца надо было кататься, каждый день слезами умываться, грозить побегом из дому, просить, умолять и ублажать (как это якобы делал он для Дудиных), чтобы смилоствивился татушка, разрешил припасть к источнику светских знаний, так внезапно забившему почти под окнами родного дома.

Очевидно, не рвались в мореходную науку и другие подростки в Холмогорах и окрестностях (или некому было учить их именно мореходным наукам), но уже в 1723 году на основе Холмогорской навигацкой школы при архиерейском доме была устроена словенская школа. Здесь 39 учеников по сокращённой программе изучали псалтырь, часослов, букварь и грамматику. Не ахти что, но в общем-то ведь тоже неплохой вариант получения образования подростком, с детства, как нас убеждают, рвущимся к знаниям.

Известно, что учителями здесь работали выпускники Московской Заиконоспасской школы (той самой Славяно-греколатинской академии, в которой преподавали в своё время холмогорские архиепископы Рафаил и Варнава и в которой потом так хотел учиться Михайло). Сюда, за год до ухода Ломоносова в Москву, был направлен также некто Иван Каргопольский, учившийся какое-то время в Сорбонне (Париж). Многие считают, что именно он указал Михайле путь в науку, посоветовав идти в Москву и поступать в Спасские школы. Но мог ли быть интересен образованному человеку некий полуграмотный крестьянский парень, которому, как Каргопольский, безусловно, знал, заказан путь в любое учебное заведение, а тем более – в Московскую академию? И мог ли быть примером для пытливого крестьянского юноши горький, как известно, пьяница Каргопольский, так и не нашедший в жизни своё место и вскоре окончательно спившийся?

В 1770 году, через сорок лет после побега Ломоносова из дома, на родине учёного побывал поэт М.Н. Муравьев – в будущем один из воспитателей императора Александра I. Он рассказывал, ссылаясь на местных жителей, что Михайло учился в этой школе, хотя официально не был в неё записан: «Украдкою бежал он в училище Холмогорское учиться основаниям латинского языка». Известный исследователь жизни М.В. Ломоносова в Холмогорах П.С. Ефименко (1835-1908) был также абсолютно уверен, что будущий учёный посещал архиерейскую школу. Ныне, судя по различным интервью, того же мнения придерживается и архангельский архивист Н.А. Шумилов.

³¹ Камкин А.В. Там же.

Но большинство биографов Ломоносова сомневаются в этом. На основании чего? А, мол, незачем ему было бегать украдкой в Холмогоры, поскольку «всё, чему его могли научить в школе, он уже знал назубок». Однако архиерейская школа в Холмогорах открылась за год до того, как Михайло получил учебники; в тот период он ещё и в глаза их не видел, не то что «вытвердил назубок», для чего тоже нужно время. Да и вызубрить учебник – ещё не значит освоить все заключённые в нём премудрости, что бы там ни говорили о врождённой гениальности.

Логичнее в этом случае было бы предположить, что всё наоборот: пытливый подросток начал посещать (пусть «нелегально» и лишь время от времени, поскольку жил за четыре километра от Холмогор, да ещё и за рекой) занятия в открывшейся школе, а чтобы ускорить обучение, позднее обзавёлся учебниками для «домашних занятий». Но и с этим согласиться трудно. Ведь если Михайло хоть сколько-то времени посещал школу при Архиерейском доме в Холмогорах, ему не было смысла скрывать эти сведения, столь благоприятные для поступления в Московскую духовную академию. Но он за все годы своей учёбы здесь ни словом не обмолвился о таком факте своей жизни.

Славяно-греко-латинская академия

То, что Михайло Ломоносов, отправляясь в Москву, не был неучем, сегодня понимают многие. Но, к сожалению, никак не найдётся внятный ответ на вопрос: где и когда крестьянский парень прошёл ту серьёзную подготовку, которая позднее помогла ему всего за год выполнить программу четырёх первых классов Славяно-греко-латинской академии, где кроме славянского и латинского языков преподавались арифметика, история, география, катехизис? За год можно не изучить, а только «легализовать» знания, полученные ранее по этим базовым учебным предметам (что было, кстати, разрешено учебными программами данного учебного заведения), подтвердить эти знания, пройдя собеседования и сдав экзамены, чем, собственно, сначала и занимался в академии будущий учёный. Но где же он получил азы школьных наук?

Спорадические посещения холмогорской школы и самостоятельное заучивание обычных учебников по арифметике и грамматике ничего не объясняют. Наоборот, вызывает изумление убежденность ломоносоведов, что будущий учёный, получив учебники у сыновей Дудина в 1724 году, якобы с ними никогда не расставался, из них и черпал все свои знания в течение шести лет до поступления в академию.

Более того, говорят, что он даже взял эти книги с собой в дорогу, положив за пазуху. Зачем, если и так выучил их «назубок»? А, кроме того, они видели эти книги в натуре? Это ведь весьма нехилые томики, причём очень разного формата. Учебник Магницкого имеет размеры 312 на 203 мм, в нём 331 лист; грамматика Смотрицкого значительно меньшего размера – 182 на 135 мм, но количество листов в ней больше – 377. Да и весят эти книги немаленько. Уложить такую «стопочку» за пазуху и шагать с ней три недели по морозу весьма проблематично: книги бы просто измочалились от механического воздействия, а главное – топорщили бы тулуп, пропуская морозный воздух в тёплое меховое нутро, что чревато как минимум тяжёлой простудой, не считая кровавых мозолей, натёртых твёрдыми краями обложек. Недостоверность этого факта в своё время убедительно доказал историк Г.М. Коровин³².

Московская академия, в которую посчастливилось попасть на учёбу М.В. Ломоносову, была создана как высшее учебное заведение, занимающееся подготовкой образованных людей для государственного и церковного аппаратов. Преподавателями её являлись в основном выпускники этой же или Киево-Могилянской духовных академий. Здесь была отличная по тем временам библиотека, сразу привлекавшая внимание будущего учёного.

³² Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова. М.– Л., 1961. С. 7.

М.И. Верёвкин, первый официальный биограф М.В. Ломоносова, в своём труде «Жизнь покойного Михаила Васильевича Ломоносова», опубликованном в академическом собрании сочинения учёного, первый том которого вышел в 1784, писал: «Тогда начал учиться по-гречески, а в свободные часы, вместо того, что другие семинаристы проводили их в резвости, рылся в монастырской библиотеке. Находимые во оной книги утвердили его в языке славенском. Там же, сверх летописей, сочинений церковных отцов и других богословских книг, попало в руки ему малое число философских, физических и математических книг»³³. Попало и вдруг разбредило душу. Да так, что не смог, говорят, вчерашний крестьянин-рыбак и дальше спокойно учиться в Московской академии, к чему так долго стремился, – стал искать, где бы можно расширить круг учения.

История мировой науки не знает других примеров, когда бы человек, начав уже взрослым образование практически с нуля, за год освоил базовые учебные предметы, родной и чужеземные языки и перешёл к самостоятельному изучению математики и физики. Причём в данном случае физика должна была интересовать Ломоносова, скорее, как механика, поскольку как составная часть философии – метафизика, пытающаяся объяснить законы функционирования Вселенной, в этом учебном заведении изучалась наряду с диалектикой и логикой, тоже входившими в учебную дисциплину «философия». В мировой же науке начала 18 века физика, как известно из истории её развития, ещё только перерастала в таковую из механики, представляя собой пока набор разрозненных открытий и достижений, которые учёным ещё только предстояло связать в упорядоченную картину.

В развитии математики, второй составляющей внепрограммных интересов Ломоносова времён его учёбы в Московской академии, конец 17 – начало 18 века был в основном тем же «философским периодом», хотя величайшие учёные мира И. Ньютон и Г. Лейбниц уже создали новую математику переменных величин. Лейбниц в 1711-16 годах не раз встречался с русским царём Петром I, разработал ряд проектов по развитию образования и государственного управления в России. Эстафету патерналистского отношения к развитию науки в России принял ученик Лейбница и систематизатор его философии Х. Вольф, будущий «благодетель и учитель» Ломоносова в Германии.

Но крупнейшие в 18 веке математики, тоже ученики Лейбница – братья Н. и Д. Бернулли (сыновья профессора математики И. Бернулли) и Л. Эйлер (сын священника, получивший ранее домашнее образование, окончивший гимназию и университет в г. Базель; приехал в Петербург почти готовым профессором в 20 лет) пока только начинали свою работу в Петербургской Академии наук. То есть в начале 1730-х годов, когда математикой как наукой вдруг зачем-то захотел заняться ученик Ломоносов, российская *научная* математическая школа лишь начала зарождаться. Как же мог Михайло, только что приехавший из «далёкой северной глубинки», заинтересоваться тем, чего в России пока, по сути, и не было?

В то же время *прикладная* математика на хорошем уровне преподавалась в Москве в школе математических и навигацких наук, учреждённой императорским указом в Сухаревой башне в 1701 году. Здесь до своей кончины в 1739 году работал знаменитый Л.Ф. Магницкий, автор той самой арифметики, которая стала для Ломоносова «вратами в науку». Леонтий Филиппович – выпускник Славяно-греко-латинской академии, в которой математики, как мы уже выяснили, не было, что позволяет его биографам считать, что свои математические познания Магницкий приобрёл путём самостоятельного изучения как русских, так и иностранных рукописей в Иосифо-Волоцком, а затем Симоновом монастырях. Казалось бы, к кому как не к нему идти ученику Ломоносову за знаниями? Тем более и идти-то от академии в Заиконоспасском монастыре до математической школы в Сухаревке – всего ничего даже пешком. Но нет, Михайле для этого зачем-то понадобилось ехать в далёкий Киев.

³³ Веревкин М.И. Там же.

По мнению ряда биографов, Ломоносов, особенно в начале своего творческого пути, осваивал науки самостоятельно, то есть был самоучкой. Но самоучки, даже самые гениальные, – всегда эмпирики, они движутся вперёд методом проб и ошибок, перебора вариантов (в просторечии – методом тыка), используя интуицию, потому что именно этот и только этот путь познания и мышления дарит нам природа при нашем рождении. Ломоносов же, как мы увидим далее, даже на студенческом уровне не демонстрировал грубую эмпирику. Он производил, в том числе и на зарубежных учителей, впечатление человека, повышающего свою научную квалификацию, знающего «правила игры» на научном поле, а это не даётся бесплатным приложением к таланту и даже гениальности.

Интересно также, что Ломоносов в 1748 году поддержал проект гимназического устава, в котором был такой пункт: «Никакого ученика, которому больше 10 лет от роду и который ещё ни писать, ни считать не умеет, в академическую службу принимать нельзя; но буде он умеет уже читать и писать, то такого и 12-ти лет принять можно. Но ежели старее будет и ничему ещё не учился, то нельзя много надеяться о будущем его успехе»³⁴.

Подобное вряд ли бы стал утверждать человек, который почти в двадцать лет сам якобы впервые сел за парту.

Киево-Могилянская академия

Из истории Славяно-греко-латинской академии известно, что не все её учащиеся доучивались до старших классов, некоторые уходили в другие школы, существовавшие тогда в Москве, – математическую, инженерную, госпитальную, школу пастора Глюка и другие. Ломоносов же, в короткое время освоив (или, что реальнее, подтвердив) как минимум начальный и средний курсы образования, решил, как ни странно, поискать «настоящие» физику и математику в Киево-Могилянской академии – практически такой же по программе обучения, как и Московская.

С просьбой перевести его туда на учёбу Михайло якобы обратился к ректору-архимандриту, пишет уже упоминавшийся нами Е. Лебедев. И просьба была удовлетворена, что, на наш взгляд, тоже очень странно, потому что такой обмен учениками не был предусмотрен регламентами этих учебных заведений. Кто-то ведь должен был оплатить ему неблизкую дорогу, проживание, питание и обучение в Киеве, так как других источников финансирования, кроме оставшейся в Москве копеечной стипендии, у него, как известно, не было. Киевской же академии брать это на себя тем более было не надо: там своя такая нужда царилла, что дело порой доходило до кружечного сбора подаяний учащимися.

Житейская логика при таком раскладе подсказывает, что незачем и не на что было вчерашнему крестьянскому парню, а ныне бедному студенту разъезжать по стране. Поэтому сей факт, зафиксированный в его академической биографии, всегда подвергался сомнению, хотя не оставались попытки разобраться в этом вопросе на научной основе.

Окончательную точку здесь поставила уже упоминавшаяся нами Г.Н. Моисеева – литературовед, доктор филологических наук, автор многочисленных исследований, в том числе посвящённых жизни и деятельности М.В. Ломоносова. В 1960-70-е годы она проделала огромную, исключительно важную работу для решения вопроса о пребывании Ломоносова в Украине.

По найденным и идентифицированным ею пометам на полях книг из библиотек Киевской духовной академии и Киево-Братского монастыря Галина Николаевна доказала, что *этот факт достоверно имел место в биографии учёного*. С целью идентификации почерка Ломоносова она ещё до поездки в Киев воспользовалась помощью почерковедов-криминалистов,

³⁴ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. IX. СПб., 1885-1900. С. 182.

подробно исследовала манеру обращения Ломоносова с книгами (система его пометок, замечаний на полях, выписок). Предварительно, на основе анализа литературных сочинений и исторических трудов Ломоносова, установила список использованных им произведений Древней Руси.

В ходе этой уникальной работы Моисеева выявила в Киеве 44 древних рукописи, сохранивших более трёх тысяч помет и приписок Ломоносова на полях и в тексте. Причём каких! Так, в рассказе о Мамаевом побоище, описывая бегство князя Ягайло из Руси, летописец сообщает: «Тогда бой бысть немцев с литвой на Сряпе реке и побиша литвы 40 тысяч». Ломоносов подчёркивает эти слова и уверенно пишет на полях: «Враки».

Читая в другом месте положительную оценку деятельности известного древнерусского князя Олега Рязанского (1338-1402), Ломоносов соглашается: «Олег любил дураков», имея, очевидно, в виду намеренное введение князем в заблуждение ордынского хана Мамаю и литовского князя Ягайла, а затем и хана Тохтамышя в «поддержке» их борьбы против московского князя Дмитрия Донского. Студент этим чётко определил свою позицию в до сих пор не решённом историками вопросе: предателем или патриотом земли русской был князь Олег Рязанский и кого он всё-таки обманул? Более подробную информацию о работе Моисеевой с пометами Ломоносова можно получить из статьи В.Н. Гамалея «М.В. Ломоносов в Киеве: правда или вымысел?»³⁵.

Вспомним также, что пометы эти сделаны рукой человека, меньше трёх лет назад впервые, как нас убеждают, севшего за парту, но при этом уверенного, что он имеет право комментировать древних авторов и вообще – пачкать эти бесценные раритеты (или их списки). Но, похоже, в нём (уже тогда!) жил просветитель, патриот, везде и всегда непримиримо отстаивавший свою точку зрения на историю России, основанную на глубоком знании этой истории. Об этом говорят найденные в Киеве пометы. Они до сих пор имеют огромное значение не только для изучения многогранной деятельности и мировоззрения Михаила Васильевича, поскольку касаются самых разнообразных его интересов как историка, поэта, этнографа, фольклориста, естествоиспытателя, астронома, лингвиста и филолога, но и для изучения его биографии.

Итак, благодаря профессору Моисеевой мы теперь точно знаем, что студент Ломоносов в Киеве был. Но когда именно? Постараемся разобраться в датах, поскольку для нас это будет очень важно в дальнейшем для аргументации некоторых фактов из жизни Михаила Васильевича. Его будущий коллега академик Я.Я. Штелин сообщал, что это произошло в 1733 году³⁶. Советский исследователь В.В. Данилевский придерживался того же мнения, обосновывая примерные даты – с лета 1733 по август 1734 года³⁷. То же считал и ведущий ломоносовед нашего времени Э.П. Карпеев. В его кратком энциклопедическом словаре «Ломоносов» в разделе «Основные даты жизни М.В. Ломоносова» написано: «1733 после июля – 1734 до сентября – время возможного посещения Киева и пребывания в Киево-Могилянской академии»³⁸. Вряд ли он сам вывел даты, скорее это мнение кого-то из ленинградских учёных и, вероятнее всего, – той же Галины Николаевны Моисеевой, для работы которой точное время пребывания Ломоносова в Киеве не было особенно важным, но могло быть интересным с человеческой точки зрения.

М.И. Верёвкин называет другую дату поездки Ломоносова в Киев -1734 год. На это же, вроде, указывает и переписанный рукой Ломоносова текст лекций по риторике «Наставления по ораторскому искусству, разделённые на три книги и для обучения оратора избранным основам красноречия к изяществу стиля в разного рода риторике преподаваемые в Москве с 1733 по

³⁵ Гамалея В.Н. М. В. Ломоносов в Киеве: правда или вымысел? К 300-летию со дня рождения учёного. № 4. Киев, 2011.

³⁶ Штелин Я.Я. Конспект похвального слова Ломоносову. М.– Л., 1962.

³⁷ Данилевский В.В. Ломоносов на Украине. Л., 1954.

³⁸ Карпеев Э.П. Ломоносов. СПб., 2012.

1734 г., 17 октября». Рукопись эта теперь хранится в Рукописном отделе Российской государственной библиотеки в Москве.

Риторика на латинском языке в Славяно-греко-латинской академии в то время преподавал иеромонах Порфирий (в миру Пётр Крайский). «Летопись жизни и творчества Ломоносова» сообщает: «1733 год. Июля, после 15. Начал заниматься у преподавателя Крайского во втором среднем классе, где основным учебным предметом была риторика». А.А. Морозов в статье «Михаил Васильевич Ломоносов» пишет: «Крайский составил своё руководство по риторике (246 страниц), которое так увлекло Ломоносова, что он переписал его для себя». То есть в 1733-34 годах Ломоносов был на учёбе в Москве?

Нет, выше упомянутая рукопись, наоборот, доказывает, что именно в это время его там и не было! Ведь если бы Михайло посещал занятия Крайского, то не переписанные *дословно* лекции учителя стали бы «памятником школьных занятий Ломоносова риторикой», как пишет исследователь творчества учёного В.Н. Макеева³⁹, а *конспект* прослушанных лекций, записанный учеником *своими словами*.

Обратим также внимание на даты: лекции, пишет Ломоносов в заглавии этой рукописи, читаны в 1733-34 годах, то есть один учебный год. А курс изучения риторики был рассчитан по программе на два года⁴⁰. То есть студент списал только половину так якобы понравившихся ему лекций Крайского? Но самое главное, подчеркнём ещё раз: трудно, даже невозможно представить себе толкового студента, тупо списывающего что-то *дословно* из учебников и учебных пособий. Ломоносов, в любом случае, *для себя* сделал бы конспект.

Но если он не посещал первую часть лекций Крайского, поскольку был в это время в Киеве, а, вернувшись через год, стал претендовать на посещение второй их части, преподаватель совершенно справедливо мог потребовать от ученика представить доказательство того, что он знаком с уже пройденным материалом. В то время единых учебников ещё не было, и каждый преподаватель создавал *свой* курс читаемого им учебного предмета, регулярно дорабатывая и дополняя его. То есть Крайскому можно было сдать риторика не вообще, а только «по Крайскому», прослушав или проштудировав самостоятельно лекции, прочитанные им в указанное время, с исправлениями и дополнениями на тот конкретный период. Поэтому преподаватель вполне мог *потребовать* от студента переписать лекции именно дословно, включая заголовки.

Если бы Ломоносов после первого года обучения риторике переписывал труд Крайского для себя, он бы уточнил, что лекции *прослушаны им* в таком-то году. А поскольку он их не слушал, то должен был повторить заголовок Крайского, который действительно *прочитал* эти лекции студентам. Ломоносов выполнил требуемую работу и сдал её осенью 1734 года преподавателю, который передал эту рукописную тетрадь как свидетельство права студента на дальнейшее обучение в архив Московской академии (иначе, откуда бы эта школярская рукопись объявилась через много-много лет, да ещё и в достаточно приличном состоянии?). Затем Михайло с полным на то правом продолжил занятия в Московской академии и, как сообщает та же «Летопись...», 1 июля 1735 года «начал сдавать экзамены за второй средний класс – „риторику”», а 15 июля «переведён в высший класс академии – „философию”».

В дальнейшем мы увидим, что проблема датировки путешествия Михайлы в Киев, которой мы посвятили столь пристальное внимание, имеет для нашего исследования очень большое значение. Поэтому приведём ещё один аргумент в защиту своей позиции: в упомянутой «Летописи жизни и творчества Ломоносова» есть заметки об участии Михайлы в жизни академии, о сдаче им экзаменов по всем предметам и переводе в следующие классы во все годы учёбы в Москве, в том числе летом 1733 года. А дальше – провал: с июля 1733 по сентябрь 1734

³⁹ Макеева В.Н. История создания „Российской грамматики” М. В. Ломоносова. М.– Л., 1961.

⁴⁰ Ченакал В.Л. и др. Летопись жизни и творчества Ломоносова. М.– Л., 1961.

года нет никаких упоминаний о присутствии в Московской академии такого ученика. Зато в следующем, 1735 году, целых девять записей, упоминающих его имя. Он опять сдаёт экзамены, переходит в более высокий класс, участвует в событиях жизни учебного заведения... Проверить это очень просто – практически все варианты летописи жизни и творчества Ломоносова (А.А. Куник; В.Л. Ченакал; ФЭБ и др.) есть сейчас в Интернете.

Среди многих публикаций на тему «Ломоносов в Киеве» есть одна, содержащая довольно странные фактологические подробности. Речь идёт о книге украинского писателя, журналиста и историка В. Аскоченского (1813-79) «Киев с древнейшим его училищем Академиею», которая вышла в 1856 году. Автор был выпускником Киевской духовной академии, затем преподавал здесь польский и немецкий языки. В 21 год он стал бакалавром (адъюнкт-профессором) по кафедре патологии (биографические и критико-библиографические исследования об отцах церкви и их творениях, а также издания самих текстов этих творений в подлиннике). С 1844 года, уволившись из академии, несколько лет жил в доме киевского военного губернатора Д.Г. Бибикова в качестве учителя одного из юных родственников этого высокопоставленного чиновника, где, вероятно, в свободное от занятий время и готовил к изданию свой труд об истории альма-матер. Поскольку академия в Киеве была открыта в 1631 году, можно утверждать, что это было юбилейное (к 225-летию) издание, а значит, подготовлено под редакцией руководителей академии и в принципе не должно содержать недостоверных сведений и грубых фактологических ошибок.

В книге, в частности, приводится такой факт: «К ректору Академии Амвросию Дубневичу препровождён был, при *отношении киевского генерал-губернатора Леонтьева* (выделено мною. – Л.Д.), Михайло Ломоносов, которому высочайше позволено было здесь продолжать науки, начатые им в Московском Заиконоспасском училище»⁴¹. Поскольку отношение – это форма официального письменного сношения лиц, не состоящих в подчинении одно другому, то есть своего рода личная просьба, ходатайство, то получается, что в середине 19 века в Киевской академии имелся некий документ (или ссылка на него), которым за сто с лишним лет до того одно из высших должностных лиц юга России (генерал Леонтьев) просило руководство этого учебного заведения (ректора Дубневича) о принятии в свои стены студента из Москвы. А это значит, что у Ломоносова – крестьянина, около трёх лет назад приехавшего из далёкой архангельской глубинки и якобы обманом попавшего на учёбу в Московскую академию, нашёлся покровитель в лице киевского генерал-губернатора? При этом ни о какой официальной бумаге из этой академии, подтверждающей направление московского студента Ломоносова на учёбу в Киев, не упоминается. Бред какой-то!

Очевидно, так же посчитали и биографы Ломоносова, проигнорировавшие, по сути, это сообщение. Тем более что в текст Аскоченского всё же закралась одна небольшая, но существенная для нас неточность: М.И. Леонтьев мог тогда называться только *будущим* генерал-губернатором Киева, поскольку на этот пост он был назначен то ли в 1738, то ли в 1740 и даже 1741 году – на сей счёт существуют разночтения. В 1733 году он состоял в должности воинского инспектора при главнокомандующем Низового корпуса, созданного Петром I в 1723 году для обустройства вновь завоёванных земель на юге России (распущен в 1735 году). Должность всероссийского масштаба, то есть ещё более значимая, чем губернаторская, однако, видимо, сто лет спустя Леонтьев остался в памяти киевлян (и их губернатора Бибикова, у которого, как мы уже говорили, жил Аскоченский) только как генерал-губернатор.

Более подробное знакомство с биографией М.И. Леонтьева, хлопотавшего в Киеве за московского студента Ломоносова, приводят нас в ещё большее недоумение: боевой офицер, проявил себя хорошим генералом в Великой Северной и Турецкой войнах, вице-губернатор Москвы в 1726 году. Кроме того, это двоюродный племянник царицы Наталии Кирилловны

⁴¹ Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем Академиею. Киев, 1856.

и, значит, троюродный брат императора Петра I, а также муж племянницы Меншикова и родственник канцлера графа Г.И. Головкина – дяди и крёстного отца матери Петра I.

Если бы в 1733 году Леонтьев действительно был генерал-губернатором Киева, то можно было бы подумать, что сопроводительные бумаги Ломоносова как-то нечаянно попали в губернскую канцелярию, откуда затем и были препровождены в Киевскую академию, но в штаб-то военного корпуса они никак не могли попасть: ни случайно, ни ошибочно. И по доброте душевной Михаил Иванович не мог содействовать незнакомому крестьянскому парню: современники отзываются о Леонтьеве как об угрюмом и сварливом солдате, который был педантичен, взыскателен и строг до жестокости. Вот такая интересная загадка истории, отгадка которой может крыться только в том, что студент, за которого генерал просил, был для него каким-то образом *значим* (позднее увидим – каким).

В короткое время Ломоносов, пишет далее Аскоченский, «успел присмотреться к порядку, существовавшему в киевских школах... и оставил училище, мало соответствовавшее его планам и надеждам». Если учесть, что курс обучения в такого рода учебных заведениях продолжался до десяти и более лет, то год – это действительно короткий срок. О Ломоносове здесь сказано очень почтительно, но, с другой стороны, Аскоченский в 1856 году знает, кем стал для будущего России этот человек и какая важная особа пеклась о нём в 1733 году. Уже известный нам М.И. Верёвкин в 1783-84 годах пишет о Ломоносове проще: «В Киеве, против чаяния своего, нашёл пустые только словопрения Аристотелевой философии; не имея же случаев успеть в физике и математике, пробыл там меньше года, упражняясь больше в чтении древних летописей и других книг, писанных на славенском, греческом и латинском языках» (а за плечами у него к тому времени было якобы всего три года учёбы в начальных классах!).

Кстати, вопрос об отсутствии каких бы то ни было официальных сведений о пребывании Ломоносова в Киеве считается до сих пор необъяснённым, несмотря на разрешение о переводе, данное якобы ректором Московской академии, а также высочайшее позволение продолжить учёбу, данное ректором Киевской академии, и к тому же ходатайство такого человека, как генерал Леонтьев. Даже в списках студентов он не значится, что заставляет думать о том, что визит его сюда был приватным и вызванным отнюдь не учебными делами. Ведь, не найдя здесь искомого, он не спешит обратно на занятия в Москву, как можно было бы предположить, а остаётся ещё почти на год. Московский студент самостоятельно изучает труды древних летописцев на той самой кафедре патрологии, где спустя сто лет трудился молодой профессор Аскоченский и на которой остались следы пребывания здесь Ломоносова, разысканные им, а уже в наше время – профессором Моисеевой.

А.А. Морозов объяснял «инкогнито» будущего академика тем, что тот приехал в Киев летом, во время каникул, и своё пребывания там официально не оформил. Но, как известно, занятия в учебных заведениях в 18 веке шли безо всяких каникул круглый год. После экзаменов, которые проходили в июне – начале июля, в учебной программе мог быть рекреационный (менее напряжённый, восстановительный) период, но занятия продолжались.

Остаётся открытым и вопрос о финансировании этой «научной командировки» Ломоносова; не пешком же он шёл в Киев и обратно, пусть даже, по Морозову, и в каникулы. Или всё же пешком? Расстояние от Москвы до Киева по современным автомобильным дорогам «всего» 875 км, что в полтора раза меньше, чем от Архангельска до Москвы (1225 км). Специалисты утверждают, что при прокладывании длительного спортивного туристического маршрута в день берётся не более 30 км, так как проходить ежедневно большее расстояние – нереально. Даже для лошади это в среднем предельное расстояние, которое она может преодолеть за один день на дальнем пути; поэтому в старое время и почтовые ямы располагались в основном через 25 – 30 вёрст.

Значит, Ломоносов пешком мог преодолеть расстояние до Киева в лучшем случае за два месяца. Да и то при условии, что он нормально питался и хорошо отдыхал на «привалах». Но

на что же он питался и где ночевал, имея на всё про всё три стипендиальные копейки в день (если ему их от каких-то щедрот дали в Академии на дальнюю дорогу)? И на что рассчитывал жить в Киеве?

Тут вспоминаются слова М.И. Верёвкина в примечаниях к уже упоминавшемуся очерку о Ломоносове. Он сообщает, что в Киеве у будущего учёного якобы произошла очень важная встреча: «Покойный новгородский архиерей Феофан Прокопович в Киеве, его узнав и полюбя за отменные в науках успехи, призвал к себе и сказал ему: „Не бойся ничего; хотя бы со званием в большой Московской соборный колокол стали тебя публиковать самозванцем, я твой защитник”», то есть преосвященный в это время тоже был почему-то в Киеве.

Самозванство Ломоносова, как известно из его биографии, состояло в том, что он, крестьянин, назвался дворянином. Но почему руководитель Синода собирался покрывать его, хотя социальная принадлежность юноши легко проверялась, что и сделал вскоре Ставленнический стол (духовная канцелярия, занимавшаяся делами ставленников, т.е. лиц, посвящаемых в духовный сан), о чём мы будем говорить ниже. Нельзя забывать также то, что самозванство, связанное с посягательством на не принадлежащие человеку фамилию, звание, знак отличия, герб, чин и т.п., а также мошенничество, отягощённое самозванством, в то время считались не только большим грехом, но и серьёзным преступлением. Так, например, статья 202 Артикула воинского (1715 г.) гласила: «Ежели кто с умыслу лживое имя или прозвище себе примет и некоторый учинит вред, оный за бесчестного объявлен и по обстоятельству преступления наказан быть имеет»⁴². Или преосвященный знал что-то такое, что позволяло ему считать слова студента Ломоносова правдой, а значит, они были давно знакомы?

Феофан в 1733 году уже не просто новгородский архиерей, он вице-президент Синода, то есть один из главных, а в жизни так получилось – главный в то время руководитель этого важнейшего в стране учреждения. А Заиконоспасский монастырь, на базе которого и была расположена Славяно-греко-латинская академия, – ставропигиальный, т.е. подчинённый непосредственно Синоду, руководителем которого, как мы уже сказали, являлся Феофан.

Таких монастырей по всей России было тогда всего семь, четыре из них располагались в Москве: Новоспасский, Донской, Симонов и Заиконоспасский. Но лишь последний имел при себе учебное заведение. А Феофан вошёл в историю России не только как церковный деятель, но и как выдающийся просветитель, организатор народного образования. В 1728-32 годах столица России находилась, как известно, в Москве, куда из Петербурга вместе с юным императором Петром III переехал весь двор, в том числе и высшее духовенство во главе с Синодом, резиденция которого располагалась в Кремле. Мог ли Феофан не бывать в духовной академии ставропигиального Заиконоспасского монастыря, расположенного вблизи от стен Кремля, а, бывая, – не встретить среди младших учеников великовозрастного Ломоносова; мог ли не поинтересоваться у ректора: кто таков, каковы его успехи? То есть, мог ли Ломоносов быть совсем незнаком Феофану в Москве, до поездки в Киев?

В биографии Феофана Прокоповича, опубликованной в 1819 году, говорится, что он «... оказал великую услугу отечеству – даровал России Ломоносова. С берегов, вечно покрытых льдом, из хижины бедного рыбака, юный Ломоносов бежал в Москву приобрести познания. Феофан увидел юношу, заметил его великие способности и, поражённый ими, принял великое участие в судьбе и образовании нашего Пиндара». Однако способности, хоть великие, хоть малые, на лбу не написаны, надо не только увидеть человека, но и поговорить с ним, да не мимоходом, чтобы разглядеть их.

Но причём тогда Киев? Или Феофан, который в 1732-35 годах вёл жестокую борьбу с недругами, обороняясь от очень опасных пасквилей и наветов в свой адрес (о том мы ещё поговорим позднее), ездил в этот период в Киев – город, где он родился, вырос, где 15 лет работал в

⁴² Российское Законодательство X-XX веков. Т. 4. М., 1986.

Киево-Могиланской академии, в том числе ректором, – чтобы заручиться чьей-то поддержкой или лично уничтожить какие-то документы той поры, которые могли остаться в академии и скомпрометировать его? Не с ним ли и приехал Ломоносов, которого Феофан обещал от кого-то защищать? Не он ли заручился для студента покровительством генерала Леонтьева, являвшегося в тот период на Юге страны представителем правительства России? Феофану это было под силу, но ради чего всё это; и почему он обратился именно к Леонтьеву? И на эти вопросы будем далее искать ответы.

Наука или церковь?

Странная поездка в Киев на год (с дорогами) оторвала Ломоносова от учёбы, о которой он, по мнению биографов, так мечтал в Холмогорах. Но это почему-то не беспокоило ни его самого, ни его учителей, которые, кажется, уже видели в нём готового специалиста. По крайней мере, в начале сентября 1734 года, как гласит официальная «Летопись жизни и творчества Ломоносова»⁴⁰, то есть сразу после возвращения студента из Киева, ректор Славяно-греко-латинской академии в Москве архимандрит Стефан Калиновский предложил ему поехать в качестве священника с экспедицией обер-секретаря Сената И.К. Кирилова в восточные районы России. А ведь Ломоносов к тому времени окончил только четыре низших класса, а за средние классы сдал экзамен лишь по пиитике; экзамен по риторике, согласно той же «Летописи...», он сдаст в 1735 году. Экспедиция должна была заложить на реке Ори город (будущий Оренбург), построить пристань на побережье Аральского моря, а также предпринять ряд других мер по обустройству этой территории, провести миссионерскую работу среди местного населения; то есть дел – не на один год. И Ломоносов даёт согласие на такое крутое изменение своей жизни!

Никаких сложностей с оформлением не ожидалось, поскольку вакансию священника закрыть никак не удавалось: добровольцев ехать в совершенно дикие, суровые степные края среди священнослужителей не нашлось. Кирилов, поговорив с Ломоносовым, не возражал по поводу его кандидатуры. Ставленнический стол начал готовить документы к производству вчерашнего ученика в священники, перед этим учинив ему, как положено, допрос о происхождении. И здесь «дворянский сын» вдруг назвался «поповским сыном», сказав, что «отец у него города Холмогорах церкви Введения Пресвятыя Богородицы поп Василей Дорофеев». Сделал он это якобы для ускорения положительного решения дела. Что за нетерпение? Или «стремление к высоким наукам», напрочь отбратившее Михайлу в своё время от освоения профессий морехода или кораблестроителя в математической школе у любимого им Магницкого, не отвратило его от церковной службы?

Поскольку совершенно невозможно представить, что Ломоносов *сам* (добровольно, в ясном уме и на трезвую голову!) ни с того ни с сего отказался от научной карьеры, к которой ранее так стремился, что он *сам* решил стать миссионером (причём в особых условиях беспокойного Зауралья, где яицкое казачество постоянно бурлило недовольством, вспыхнувшим позднее восстанием под предводительством Пугачёва), приходится думать, что и затея назваться поповским сыном была кем-то навязана ему. И вовсе не Московская академия горела желанием расстаться со своим учеником, который, кстати, вскоре будет внесён ею в список лучших и перспективных для перевода в Петербургскую Академию наук. А кто? Ещё один вопрос, требующий ответа.

Итак, данные кандидата в священники Михайлы Ломоносова были запротоколированы, протокол завершён достаточно суровым предостережением: «А буде он в сём допросе сказал что ложно, и за то священного сана будет лишён, и пострижен и сослан в жестокое подначальство в дальней монастырь». Полагая, очевидно, что делать запрос в Архангельск для подтверждения его слов у духовной канцелярии времени уже нет, Ломоносов лёгкой рукой подписал протокол допроса.

Однако тут же выяснилось, что Ставленнический стол всё же намерен проверить его показания о происхождении в Камер-коллегии (коллегия казённых сборов, куда поступали сведения со всей страны от земских фискалов). Пришлось во всём сознаваться. И что же? Несмотря на грозное предупреждение о неминуемой и жёсткой расправе, грубый подлог был прощён, хотя назначение и не состоялось. А если бы в Ставленническом столе не стали проверять слова кандидата на пост священника, так и не состоялся бы великий учёный?

И ещё одна «загадка Ломоносова» в связи с этим. После того как он признался в том, что является черносотным крестьянином, не имеющим никаких документов, а значит, находится в бегах, его должны были в лучшем случае «отрешить» от учёбы и отправить обратно в родные края – крестьянствовать. Ведь категорическое запрещение на обучение крестьянских детей (тем более – в высшем учебном заведении) никто не отменял. Обойти этот запрет, установленный на самом высоком уровне, можно было только разрешением, данным на этом же уровне: высочайшим указом об освобождении от подушного оклада, то есть выведении из крестьянского сословия. Да, потом это было сделано, например, для профессора математики М.Е. Головина – племянника Ломоносова и его земляка Ф.И. Шубина – известного скульптора. Но сам Михаил Васильевич такого исключения не получил. Как сообщал И.И. Лепёхину земляк учёного Гурьев: «А платёж подушных денег за душу Михайла Ломоносова происходил по смерти отца его со второй половины 741 года до второй 747 года половины из мирской общей той Куростровской волости от крестьян суммы».⁴³

В начале следующего 1735 года сообщает упоминавшаяся «Летопись», Ломоносов получил от ректора академии новое назначение: отправиться «в Карелу», куда требовалось несколько человек «в священной чин». Однако на этот раз «он в духовной чин не похотел и отозвался». Но почему ректор-архиепископ так усиленно выпихивал его из академии в священники, если до главного в этой профессии предмета – богословия ученик ещё не добрался?

Возможно, проблема была в статусе Ломоносова. Ведь отправившийся в Киев студент терял своё место в Московской академии. Его должны были исключить из числа учеников этого учебного заведения, снять с довольствия, лишить денежного пособия и возможности пользоваться учебниками, посещать здесь занятия. Был ли он автоматически восстановлен в правах ученика после возвращения через год в Москву, рады ли были здесь его появлению, особенно после того, как выяснилось, что он – тягловый мужик, крестьянин, кому путь в науку заказан? Почему, вернувшись, он не сел сразу за парту, а согласился отправиться в длительную экспедицию на Ори; было это добровольным или вынужденным шагом?

И только после провала этих планов Ломоносов заявил о том, что «желает по-прежнему учиться во оной же Академии». Ему ещё предстояло закончить изучение риторики, на что потребовался целый год. На знакомство с философией вместо двух лет оставалось всего полгода, а до богословия он так никогда и не доберётся, поскольку в конце 1735 года его срочно переведут в Петербург. В январе 1736 года Ломоносов будет зачислен студентом в академический университет.

В общей сложности будущий учёный, начав образование, как утверждают биографы, с «нуля», проучился в Москве (за вычетом времени пребывания в Киеве) четыре года. По словам

В.И. Ламанского, «за особенное счастье должно почитать, что судьба не дозволила Ломоносову пробывать в этих школах более...».

Петербург, 1736 год

В Петербурге его ждал новый «подарок судьбы»: начат набор группы студентов для обучения в Германии. Оказавшись (случайно ли?) в нужное время в нужном месте, Ломоносов

⁴³ Лепехин И.И. Там же.

начинает спешно учить немецкий язык, так как очень хочет попасть в число претендентов на зарубежную поездку. М.И. Верёвкин в примечаниях к своему уже упоминавшемуся здесь очерку пишет, что Ломоносову «способствовал *и в том* (выделено мною. – Л.Д.) бывший синодальным вице-президентом Новгородский и Великолуцкий архиепископ Феофан Прокопович».

На этот раз Ломоносов указан в документах правильно – сын крестьянина, но это почему-то уже никого не смущает. В Московскую академию в 1731 году крестьянину нельзя – пришлось назваться дворянином, в Оренбургскую экспедицию в 1734 году нельзя – назвался попovichем, а на учёбу в 1736 году в иностранные университеты, на что требовалось решение Сената и специальный императорский указ, – пожалуйста. И «стипендия» была положена царская – в сорок раз больше, чем в Московской академии! Случайно повезло?

В архивах Петербургской академии наук имеется одно весьма интересное письмо-извещение студента Ломоносова своему немецкому учителю Генкелю, написанное им в декабре 1739 года (очевидно, его переслал сюда сам Генкель). В этом письме есть такие слова, высканзанные явно в запале, но в качестве решающего аргумента: «Да и те, чрез предстательства коих я покровительство всемилостивейшей государыни императрицы имею, не суть люди нерассудительные и неразумные»⁴⁴. Так что дело было не только в Феофане, ни с того, ни с сего взявшем «шефство» над простым холмогорским парнем, а в каких-то *и других* рассудительных и разумных людях. Мы ещё встретимся с теми, «чрез предстательства коих» была создана эта невероятная коллизия: никому не известный, не знающий толком, чем заняться в жизни (наукой или церковной службой), ничем ещё не отличившийся молодой крестьянин и конкретно покровительствующая ему императрица (или, вернее, люди, действующие от её имени).

Учёбу в Германии инициировало, как пишут биографы, отсутствие в стране химика, знакомого с металлургией и горным делом. Химик потребовался, вроде бы, для одной из сибирских экспедиций (в 1720–80-х годах в Сибири работало несколько крупных экспедиций, совершивших великие географические открытия и положивших начало изучению здесь природных богатств). Стали искать за рубежом желающих познакомиться с Сибирью, но не нашли ни за какие деньги.

Узнав об этом, известный немецкий учёный-химик И.Ф. Генкель и предложил Петербургской академии наук свои услуги в подготовке специалистов данного профиля. Он считался тогда одним из ведущих европейских химиков и металлургов, был организатором и руководителем лаборатории горного дела во Фрейберге (земля Саксония). Из группы студентов, прибывших из Московской славяно-греко-латинской академии, для учёбы у господина Генкеля были отобраны 16-летний Д. Виноградов и 25-летний М. Ломоносов; в группу был включён также сын одного из руководителей Берг-коллегии (орган по руководству горнорудной промышленностью в России) 17-летний Г. Райзер, студент Петербургского университета. Из них, по официальным документам, только последний знал немецкий язык и имел хоть какое-то представление о деле, которым им предстояло заниматься после учёбы.

Генкель, узнав, что его будущие ученики из России не прошли даже вводный курс по наукам, необходимым для освоения горного дела, запросил за свою работу повышенный гонорар. И тогда кому-то из организаторов учёбы будущих «химиков, знакомых с рудным делом» (очень похоже, что это был именно Прокопович, хорошо знавший к тому времени способности и научные интересы Ломоносова), пришла в голову мысль об их предварительной теоретической подготовке в немецком городе Марбург. В июне 1736 года главным командиром (президентом) Петербургской академии наук Корфом было издано распоряжение: «Имеют оные три студента прежде в Марбург, в Гессию (земля Гессен. – Л.Д.) ехать, чтоб там в металлургии и в прочих науках положить основание и продолжать оные под смотрением профессора Волфа, к кото-

⁴⁴ Письма Ломоносова, <http://lomonosov.niv.ru/lomonosov/pisma/index.htm>

рому о том особенно писать, дабы он их по той инструкции, которая им дана будет, таким порядком содержал, чтоб они по прошествии двух лет в состоянии были к исполнению все-милостивейшего намерения Е.И.В. (здесь и далее – Её Императорское Величество. – Л.Д.) во Фрейберг и другие горные места, во Францию, Голландию и Англию, ездить для получения там большей способности в практике».

Как видно из этого распоряжения, Академия наук не ставила перед марбургскими учителями никаких сложных задач. Нужно было лишь дать присылаемым на учёбу студентам общие представления (положить основание, пишет г-н Корф) об естественных науках, с которыми им придётся иметь дело в дальнейшем.

У Вольфа в Марбурге

Небольшой провинциальный город Марбург мог быть выбран Петербургской Академией наук только по одному параметру: здесь в то время работал почётный член этой Академии философ-энциклопедист Х. Вольф. Изгнанный в 1723 году под страхом смерти в 24 часа из Галльского университета (Пруссия) «за атеизм», он был радушно принят в Саксонии и получил кафедру при Марбургском университете, где затем работал до смерти в 1740 году своего гонителя – императора Фридриха Вильгельма I. Гонение, как это часто бывает, вызвало особый интерес к его личности и созданной им философской системе не только в Германии, но и в Европе в целом.

Широко известный учёный пользовался популярностью и в России. Русский царь Пётр I благоволил к нему и обращался по разным вопросам. По его распоряжению Вольфу, которого, по-видимому, прочили на пост вице-президента Петербургской АН, был послан проект этой организации. Но в России этого учёного ждали не как метафизика, а как математика, физика, техника, что, однако, для Вольфа было уже не столь актуально. К тому времени он стал известным философом, основоположником собственного научного направления – вольфианства (самым известным и последовательным вольфианцем в России был, кстати, Феофан Прокопович). Назначение не состоялось, но Х. Вольфа избрали почётным членом Петербургской Академии наук с пожизненной пенсией в 300 рублей в год; в списках её он числился профессором математики.

Именно к этому универсально образованному человеку, «мировому мудрецу», как звали Вольфа в Европе, и были отправлены русские студенты. Отец Г. Райзера, участвовавший в организации поездки как специалист по горному делу, писал: «Я весьма одобряю предложение отправить молодых людей предварительно в Марбург. Ведь так как они должны сделаться не простыми лишь пробирерами и рудокопами, а учёными химиками и металлургами, то почти необходимо, чтобы они сначала несколько освоились с философскими, математическими и словесными науками».

Обрадовало ли Вольфа оказанное ему доверие в деле подготовки будущих учёных-химиков из России? Как видно по одному из его писем в Петербургскую Академию наук, вопреки ожиданиям вольфианцев из России он не предполагал придавать занятиям русских студентов философско-энциклопедический характер. План образования студентов «за морем» был задуман Корфом и старшим Райзером (с участием, несомненно, Прокоповича) широко, но на деле знания давались не глубоко, без теоретической проработки. Вольф писал: «В своих письмах я сообщал, что означенные молодые люди, обучившись арифметике, геометрии и тригонометрии, в настоящее время слушают у меня механику. При этом я главным образом обращаю их внимание на то, что необходимо для понимания машин, так как, по моему мнению, цель их занятий должна заключаться не столько в изучении замысловатых теорий, на которые у них вряд ли и достанет времени, сколько в усвоении того, что им впредь будет полезно для пра-

вильного понимания рудокопных машин». Вот так, папаша Райзер: нечего губу раскатывать, хватит с вас и рудокопов!

Горный советник Райзер, отправляя сына в Германию, был уверен, что «Марбург – место, которое прославлено Вольфом, и нет никакого сомнения, что там, по его распоряжению, кроме давно поселившихся эмигрантов, есть способные лица по всем полезным наукам». Но и в этом он ошибался. Кроме Вольфа в крошечном Марбургском университете, где в то время учились всего 122 студента (в другие годы численность их доходила даже до 50 человек), работали обычные преподаватели. Не случайно на протяжении четырёхсот лет его существования (до середины 20 века) здесь из России побывал на учёбе, кроме трёх молодых людей, о которых мы ведём речь, только писатель и поэт Борис Пастернак. Летом 1912 года он изучал философию у главы марбургской неокантианской школы профессора Г. Когена.

В своей автобиографической повести «Охранная грамота» (1929) писатель оставил, кстати, очень интересные заметки о Марбурге: «Вдруг я понял, что пятилетнему шарканью Ломоносова по этим мостовым должен был предшествовать день, когда он входил в этот город впервые, с письмом к Лейбницеву ученику Христиану Вольфу, и никого ещё тут не знал. Мало сказать, что с того дня город не изменился. Надо знать, что таким же неожиданно маленьким и древним мог он быть уже и для тех дней... Как и тогда, при Ломоносове, рассыпавшись у ног всем сизым кишением шиферных крыш, город походил на голубиную стаю, замороженную на живом слёте к сменённой кормушке».

Вольфу приходилось читать лекции почти по 20 предметам. Он преподавал здесь высшую математику, астрономию, алгебру, физику, оптику, механику, военную и гражданскую архитектуру, логику, метафизику, нравственную философию, политику, естественное право, право войны и мира, международное право, географию, а также занимался проблемами эстетики и психологии. Правда, ни в одной из перечисленных областей, считают историки науки, он не сказал ничего принципиально нового, будучи, по сути, систематизатором уже накопленных европейской мыслью знаний, популяризатором идей своего гениального предшественника в философии и естествознании Лейбница.

Свои занятия у Вольфа Ломоносов начал с обучения «первоначальным основаниям арифметики и геометрии». Позднее учёный писал: «Математику для того изучать должно, что она ум в порядок приводит». Когда он это понял: в Германии, во время учёбы у Вольфа, в Москве или Киеве, где искал знаний по физике и математике? Или были другие, неведомые нам пока наставники, которые в ещё более юном возрасте «привели в порядок его ум», поставили на путь постижения неведомых в его крестьянском мире наук?

А.А. Морозов в уже упоминавшемся нами биографическом повествовании о Ломоносове писал: «Вольф не торопился с обучением присланных к нему студентов. Он полагал, что им надо ещё приобрести основательное знание немецкого языка, чтобы слушать его лекции». Дело в том, что все профессора Марбургского университета читали лекции на латыни и только Вольф принципиально, подражая своему учителю Лейбницу, – на немецком языке.

Не особо напрягало и расписание учебных занятий, составленное Вольфом для опекаемых им русских студентов: с 10 до 11 часов утра – рисование, с 11 до 12 часов – лекции по теоретической физике (с 12 до 4 часов дня, очевидно, обед и отдых), с 4 до 5 часов дня – лекции по логике, в другие часы – французский язык, самостоятельные занятия и уроки фехтования. Это расписание даже невозможно сравнить, например, с распорядком дня в школе Феофана Прокоповича для детей-сирот на Карповке в Петербурге: в 6 утра – подъём, в 7 – уборка, после – молитва, завтрак; с 8 утра и до 8 вечера занятия (Закон Божий, риторика, логика, русский, латинский и греческий языки, арифметика, геометрия, музыка, история, а также рисование, пение, поэтика). Примерно такое же расписание занятий было и в Московской школе пастора Глюка, с которой мы встретимся позже. Уверена, что не менее напряжённой была программа и в школах Выговской пустыни, куда старообрядцы отправляли детей на учёбу.

Правда, к концу «марбургского периода», судя по отчёту Вольфа в Академию наук от 15 октября 1738 года, учебные нагрузки Ломоносова и его товарищей увеличились: утром с 9 часов до 10 – занятия по экспериментальной физике, с 10 до 11 – рисование (обратим внимание на то, что рисование присутствует в расписании занятий во всё время учёбы в Марбурге), с 11 до 12 – теоретическая физика; далее – перерыв на обед и отдых; пополудни с 3 до 4 часов – занятия метафизикой, с 4 до 5 – логикой. Современным бы студентам такое расписание для облегчения жизни.

Так справедливо ли считать Вольфа главным учителем Ломоносова, развившим его ум? Правы ли те, кто считает, что только Вольфу и Марбургскому университету Ломоносов был обязан своей научной подготовкой? Что именно здесь он начал «двигаться к созданию целостной системы мышления на почве естественнонаучных знаний»? Например, русский писатель второй половины 19 века А.И. Львович-Кострица именно так и писал: «Ломоносов обязан Марбургскому университету своими обширными познаниями в науках и солидным умственным развитием»⁴⁵.

Но вот ещё одно мнение уже не раз упоминавшегося здесь А.А. Морозова: «Общий метафизический характер мировоззрения Вольфа пагубно сказывался и на изложении им специальных дисциплин. Вольф не любил отказываться от „истин“, уже принятых в его „систему“, и в этом отношении мало считался с дальнейшим ходом развития естествознания. Достаточно сказать, что программы его лекций по физике и другим точным наукам, которые Вольф читал в 1718 году в Галле, были без всякого изменения перепечатаны в 1734 году в Марбурге, хотя за это время много воды утекло, и точные науки испытали, пользуясь словами Ломоносова, „знатное приращение“».

Писатель, литературовед, автор множества популярных работ Д.К. Мотольская (1907-2005) утверждала: «Ломоносов не считал Вольфа своим руководителем в области филологии. Показательно, что в тех случаях, когда Ломоносов ссылается на философские авторитеты, он никогда не упоминает Вольфа»⁴⁶.

Доктор физико-математических наук, преподаватель МГУ, старший научный сотрудник Института молекулярной биологии РАН Ю.Д. Нечипоренко в своей книге «Помощник царям: Жизнь и творения Михаила Ломоносова», у которой семь рецензентов, в том числе четыре доктора физико-математических наук, пишет: «Хотя Вольф придавал математике большое значение, но он больше философствовал и не обучал Ломоносова высшей математике. В трудах Ломоносова почти нет формул: есть определения, объяснения, описания и опыты, но нет математики... Кажется, только в математике Ломоносов не сделал никаких открытий. В том, что Ломоносов не освоил подхода Ньютона и Лейбница в науке, заключалась одна из причин его драмы как учёного: многие явления он понимал верно, описывал точно, но не мог облечь эти описания в формулы»⁴⁷.

Сам Вольф, вынужденный стать не только учителем, но и протектором (защитником, покровителем) для русских студентов, регулярно сообщаям президенту Петербургской Академии наук об успехах и поведении студентов, достаточно осторожно оценивал потенциал подопечных. В письме президенту Академии наук Корфу от 17 августа 1738 года он сообщал: «У г. Ломоносова, по-видимому, самая светлая голова между ними; при хорошем прилежании он мог бы научиться многому, выказывая большую охоту и желание учиться». То есть Вольф не очень доволен прилежанием Ломоносова, успехи этого студента могли быть, по его мнению, более значительными, если бы он проявлял больше охоты и желания учиться.

⁴⁵ *Львович-Кострица А.И.* Михаил Ломоносов. Его жизнь и литературная деятельность. СПб, 1893.

⁴⁶ *Мотольская Д.К.* Ломоносов // История русской литературы. Т. 3, Ч. 1. М.–Л. 1941. С. 264-348.

⁴⁷ *Нечипоренко Ю.Д.* Помощник царям: Жизнь и творения Михаила Ломоносова. М., 2011.

И позднее в письмах в Петербург себе особых заслуг в научном развитии Ломоносова Вольф не приписывал: «Молодой человек преимущественного остроумия, Михайло Ломоносов, с того времени, как для учения в Марбург приехал, часто мои математические и философские, а особливо физические лекции слушал и безмерно любил основательное учение. Ежели впредь с таким рачением простираться будет, то не сомневаюсь, чтобы, возвратясь в отечество, не принёс пользы, чего от сердца желаю». То есть здесь Х. Вольф хотел, как я понимаю, сказать, что Ломоносов имел более, чем у двух других русских студентов (подростков!), развитый ум («преимущественное остроумие»); въедливо докапывался до сути освещаемых преподавателем вопросов («любил основательное учение»), что может свидетельствовать о том, что в принципе он уже знал, что в этом учении основательное, а что – нет. В целом же: вы хотели специалиста, который принесёт пользу вашему отечеству, – думаю, что из него такой специалист в будущем, возможно, получится. При хорошем прилежании и рачении, конечно.

А вот итоговое письмо Х. Вольфа в Петербургскую АН от 21 июля 1739 года: «...мне остаётся только ещё заметить, что они время своё провели здесь *не совсем напрасно* (выделено мною. – Л.Д.). Если, правда, Виноградов, со своей стороны, кроме немецкого языка, вряд ли научился многому, и из-за него мне более всего приходилось хлопотать, чтобы он не попал в беду и не подвергался академическим взысканиям, то я не могу не сказать, что в особенности Ломоносов сделал успехи и в науках». Эта оговорка «сделал успехи *и в науках*» очень похожа на иронию.

Спустя годы Ломоносов называл Вольфа своим «благодетелем» («благодетеля которого по отношению ко мне я не могу забыть»⁴⁸) и «учителем», ставя «благодетеля» впереди «учителя». И, как уже было отмечено, вольфианцем Михаил Васильевич не стал. Даже в своих ученических образцах знаний – «специменах», посылаемых из Германии в Петербург через Вольфа, он из общих философских положений учителя ссылается только на закон достаточного основания («ничто не может совершаться без достаточного основания»). А в будущем твёрдо стоял в философии «на позиции механического материализма»⁴⁹.

Особое значение во время учёбы в Германии студент Ломоносов придавал, как известно, занятиям химией, которые, собственно, и являлись основанием для зарубежной поездки будущего учёного. А что представляла собой эта наука в первой половине 18 века? Профессор химии Б.Н. Меншуткин (1874-1938) писал в своей книге «Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова»: «Прежде всего, надо иметь в виду, что в течение длинного ряда веков собственно химии не было, была алхимия, где все операции производились в строгом секрете, и, если опубликовывались, то таким иносказательным языком, что по существу только посвящённые в таинственные обозначения, применяемые тем или иным автором, могли что-нибудь понять в алхимических книгах. Лица, занимавшиеся в средние века прикладной химией, разного рода химическими производствами, тоже, понятно, свои способы и рецепты не делали достоянием гласности, но тщательно передавали их из рода в род»⁵⁰.

Именно этими историческими причинами автор объясняет то, что «индуктивный метод исследования, который начинает применяться вообще в естественных науках с 16 века, где опыт является пробным камнем всякого предположения, всякой гипотезы, в 18 веке сравнительно мало коснулся химии». То есть в первой половине 18 века химия в мировом, так сказать, масштабе ещё была по существу алхимией, а учёные-химики мало экспериментировали и редко проверяли свои догадки опытами.

В России в это время химией, особенно на научном уровне, вообще никто не занимался. Известно, что в Петербургской Академии наук тогда даже отдельной кафедры химии не было:

⁴⁸ Билярский П. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865.

⁴⁹ Маковельский А.О. История логики. М., 1967.

⁵⁰ Меншуткин Б.Н. Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова. М.– Л., 1947.

эта дисциплина входила в кафедру естественной истории. При том главный администратор Академии И.Д. Шумахер в 1745 году оправдывался: «Подлинно, что поныне никакой химической лаборатории не заведено, и я должен признаться, что при Академии никакая наука так худого успеха не имела, как сия (т.е. химия. – Л.Д.)». Первая научная химическая лаборатория была построена после неоднократных настойчивых требований М.В. Ломоносова только в 1748 году; её вчерашний студент и будущий первый российский химик начал «пробивать» практически сразу же, как только обосновался в Академии наук.

Лабораторию эту известный советский химик академик АН БССР М.А. Безбородов называл силикатной, так как, писал он, «стекло, представляющее собой „первый продукт философии химии“, по выражению средневековых алхимиков, было одним из главных научных увлечений и предметом настойчивых занятий Ломоносова»⁵¹. Михаил Васильевич экспериментировал здесь в основном с цветными стёклами (прозрачными и «глухими» – смальтами) и даже воссоздал так называемый «философский камень» средневековых алхимиков – золотой рубин, а также изготавливал многие искусные подделки под натуральные драгоценные камни. Откуда же у него этот «алхимический» интерес именно к силикатам?

Возможную причину особого интереса Ломоносова к стеклу высказал известный советский учёный, специалист в области химии силикатов Н.Н. Качалов (1883-1961). В то время как большинство исследователей склонялись к мнению, что именно увиденные М.В. Ломоносовым в 1746 году итальянские мозаичные картины возбудили в нём желание во что бы то ни стало воспроизвести их, Качалов считал, что близкое знакомство учёного со стёклами и другими силикатными расплавами произошло в процессе изучения им технологии горнорудного и металлического дела, где шлаки занимают очень важное место.

Это подтверждает и открытие уже упоминавшейся нами здесь Г.Н. Моисеевой, которая обнаружила в середине 20 века в Киеве десятки книг, с которыми работал Ломоносов, оставивший на полях этих рукописных и печатных изданий пометы. В том числе его пометы выявлены и на книге «Первые основания металлургии или рудных дел». По ним видно, что студент читал книгу не ознакомительно, а вполне профессионально; так, сравнивая климат Москвы, Петербурга и Киева, он указывает на влияние этого фактора на формирование залежей полезных ископаемых. И это через три года учёбы в начальных классах Московской духовной академии! Ясно, что основания металлургии и рудных дел ему уже давно знакомы как практически, так и теоретически.

Но Качалов не знал о работах Моисеевой, которые были опубликованы уже после его смерти. Поэтому он полагал, что знакомство Ломоносова с технологией горнорудного и металлического дела произошло во время учёбы Ломоносова за границей⁵². Если принять его версию, получается, что уроженец Русского Севера, не знакомый ни с алхимией, ни с химией, ни со связанной с ними металлургией, приезжает в Европу, чтобы познать эту ещё не науку, но уже учебную дисциплину, которая изучается в рамках медицинской науки. За физику, которую ему тоже предстоит изучать здесь, он сядет только через несколько месяцев по приезде в Марбург, но вот химией займётся сразу.

В своём первом отчёте в Петербургскую АН Ломоносов пишет: «...Имеем честь почтительнейше донести, что, прибыв сюда, в Марбург, 15 ноября нового стиля, мы тотчас же за 120 талеров договорились со здешним доктором медицины Конради слушать у него теоретико-практические лекции по химии, на которых он обязывался объяснять нам на латинском языке начальные основания химии Штала и показывать на практике встречающиеся при этом опыты. Но так как он не только не исполнял, но и не мог исполнить обещанного, то мы с согласия господина регирунгсрата Вольфа через три недели отказались от этих лекций...».

⁵¹ Безбородов М.А. М.В. Ломоносов и его работа по химии и технологии силикатов. М.– Л., 1948.

⁵² Качалов Н.Н. М.В. Ломоносов – основатель науки о стекле. Л., 1953.

В отчёте не объясняется, что именно не исполнял г-н Конради. Но кто был инициатором идеи изучения химии именно «по Шталю», как и разрыва отношений с нанятым для этого преподавателем? Вроде бы Ломоносов и Виноградов ничего о химии знать не могли, так как в Московской духовной академии её не изучали, а 17-летний сын берг-советника Райзер хотя и мог знать, но его вообще-то больше привлекала архитектура, для изучения которой он купил здесь специальный курс занятий (на этом поприще он потом и трудился на Урале). Почему русские студенты, тотчас же по приезде в незнакомый город, обратились именно к Конради? Ведь кто-то же им рекомендовал его? И этим «кем-то» мог быть только ректор университета Х. Вольф – единственный человек в Марбурге, которого они на тот момент знали и с согласия которого через три недели отказались от услуг Конради. Ректор, который жил и работал в небольшом Марбурге уже почти 13 лет, не знал, что рекомендуемый им специалист безграмотен?

Ушёл Ломоносов со своими однокашниками от доктора Конради к декану медицинского факультета университета профессору Ю.Г. Дуйзингу. Здесь же, в университете, будущий учёный познакомился с аптекарем-лаборантом Д.Ф. Михаэлисом, в лаборатории которого работал затем до января 1739 года. Позднее (в 1740 году), не будучи уже студентом и дожидаясь вызова в Петербург, он писал Михаэлису: «Ваше доброе отношение, оказанное мне ранее, даёт мне смелость просить, чтобы ваше высокоблагородие позволили мне изучить в вашей лаборатории некоторые (химические) процессы, которые кажутся мне сомнительными. Я более не верю теперь никаким лаборантам, в особенности тем, которые много хвалятся и которых я изучил по собственному горькому опыту. Так, господин доктор Конради однажды обещал мне и моим землякам прочесть химию по Шталю. Однако он оказался не в состоянии разъяснить ни одного параграфа и совершенно неправильно толковал латинский язык».

Вскоре нелестная характеристика, данная Ломоносовым Конради в 1740 году, всплыла в споре этого доктора с аптекарями Марбурга по поводу права врачей самим изготавливать лекарства, а не заказывать их в аптеках. Заведующий кафедрой истории химии химического факультета МГУ профессор Н.А. Фигуровский (1901-86) так писал об этой коллизии: «Аптекари, естественно, восставали против такого проекта. В этом споре, зафиксированном в обширной переписке, обе стороны всячески пытались дискредитировать друг друга. Так, Конради указывал, что аптекари не только не имеют надлежащих высококачественных материалов для изготовления лекарств, но и не могут их изготовить, так как не имеют ни надлежащей лаборатории, ни надлежащего оборудования».

Для опровержения этого утверждения, выдвинутого Конради, тот самый лаборант Марбургского университета Михаэлис, представлявший интересы аптекарей, использовал процитированное выше письмо к нему студента Ломоносова, содержащее характеристику, развенчивающую Конради как учёного и врача, так как незнание латинского языка врачами было в те времена равносильно признанию их неграмотности. Но это не привело к желаемым результатам. Немецкий учёный Р. Шмитц, занимавшийся уже в наши дни изучением этого спора врачей и аптекарей, пишет: «Специальным рескриптом от 3 мая 1741 г. Конради было разрешено самому производить лекарства». Профессиональная честь врача была восстановлена.

Так что же не устроило в 1736 году русских студентов (думается, прежде всего – Ломоносова) в докторе Конради? Как они, ещё, вроде, только-только начавшие учить химию, могли усомниться в компетентности преподавателя? Дело тут, полагаю, в другом: Ломоносову нужна была лаборатория, чтобы можно было в ней работать самому. Скорее всего, он уже тогда знал то, что потом выразил в письме президенту Академии наук К.Г. Разумовскому: «Химии никоим образом научиться невозможно, не видав самой практики и не принимаясь за химические операции...». Но Конради, как мы видим из его спора с аптекарями, в деле был прежде всего щепетильным специалистом, поэтому не мог позволить такую «практику» посторонним, какими, по сути, были начинающие русские студенты, так как готовил в *своей* «надлежащей»

лаборатории-аптеке лекарства, которые *сам же* выписывал *своим* больным. Поэтому Ломоносов и ушёл в университетскую лабораторию, которая была оснащена хуже, что подтвердило решение суда, чем лаборатория Конради, но в которой можно было работать студентам.

Нет сведений, что в этой лаборатории работали и Виноградов с Райзером. Но Ломоносов, судя по всему, пропадал здесь до самого своего отъезда из Германии, пользуясь каким-то расположением к нему Михаэлиса. Аптекарь, скорее всего, разрешал Ломоносову работать в лаборатории за деньги, так как в составленном 10 января 1739 года перечне долгов студента он оказался на третьем месте среди кредиторов.

Имя Дуйзинга, у которого Ломоносов с товарищами прослушал годичный курс лекций по теоретической химии (уже не по Шталю, как планировалось первоначально, а по Тейхмейеру), неизвестно в научном мире. Упомянувшийся нами выше академик М.А. Безбородов считал: «Дуйзинг не оставил в жизни Ломоносова никакого следа. Это и неудивительно. Едва ли занятия под руководством Дуйзинга могли расширить научный горизонт Ломоносова в области химии (как видим, академик признаёт, что ещё до приезда в Германию Ломоносов имел научные знания в области химии. – Л.Д.). Дуйзинг был обыкновенным рядовым лектором, лишённым какой-либо самостоятельности, самобытности в науке, излагавшим химию по учебникам для медиков». Не более высокого мнения М.А. Безбородов и о докторе Генкеле, которого, ссылаясь на субъективную характеристику этого учёного, данную В.И. Вернадским, он называет «торгашом от науки, человеком, алчным к деньгам, знавшим преимущественно отдельные практические рецепты и ремесленные навыки».

Таковы учителя, но при этом, как нас убеждает тот же академик Безбородов, Ломоносов вернулся в Петербург «с вполне сложившимися взглядами на задачи учёного, на науку, на главный предмет своей профессии – химию. и по своим знаниям находился на уровне последних достижений современной ему науки». Как произошла эта метаморфоза: человек приехал в Германию изучать химию, с которой ранее вроде бы (по официальной биографии) не был знаком; прослушал в течение года практически у рядового преподавателя провинциального университета курс введения в эту науку; несколько месяцев изучал пробирное искусство у «торгаша от науки» и этого ему хватило, чтобы сформировать научные взгляды в достаточно сложной области человеческих знаний, посмотреть на химию как дело всей своей жизни, стать в скором будущем великим химиком?

Кто же именно дал ему эти знания, кто открыл его предназначение, по какому наитию и откуда пришли научные взгляды, которые он уже в 1741 году начал оформлять на латыни в работе «*Elementa Chimiae Mathematicae*» («Элементы математической химии»)? И зачем почти сразу по прибытии в Петербург начинающий химик-недоучка (а как по иному назвать человека, отучившегося по специальности всего год?) начал настойчиво хлопотать о строительстве современной химической лаборатории, каких и в Европе-то в то время были единицы? «Минувшего 1742 года в январе месяце подал я, – писал Ломоносов в 1743 году, – в Академию наук предложение об учреждении химической лаборатории, которой ещё при Академии наук не было, где бы я. мог для пользы отечества трудиться в химических экспериментах».

Ломоносова-студента интересовали как теоретические вопросы, так и прикладные аспекты химии, недаром он с начала и до конца пребывания в Марбурге (в общей сложности – 3,5 года) проводил много времени в лаборатории университета и недаром сообщал в октябре 1738 года в своём отчёте в АН, что с марта этого года (т.е. практически сразу после завершения годичного курса химии по Тейхмейеру) *повторяет* химию «по сочинениям Бургавена, Шталя (курс которого так и не был прослушан им у Конради. – Л.Д.) и Штабеля».

В то время у каждого учёного, занимающегося этой наукой, была «своя» химия. Особенностью учения Тейхмейера было то, что он первым (в 1729 году) разделил химию на несколько отдельных «подхимий»: физическую, медицинскую (со времён Парацельса понятие «медицина» было вообще синонимично понятию «химия»), металлургическую, философскую (алхи-

мию), ремесленную и хозяйственную. При этом он выделял отличие физической химии, в которую включались теоретические вопросы этой зарождающейся науки, от философской с её алхимической традицией; физическая химия была им как бы противопоставлена прикладной химии.

Немецкий учёный Г. Шталь (1660-1734) известен тем, что стал одним из основоположников первой теории в химии – знаменитой теории флогистона, гипотетической «сверхтонкой материи» («огненной субстанции», якобы наполняющей все горючие вещества и высвобождающейся из них при горении). Голландский врач и химик Г. Бургаве (1668-1738) не признавал систему Штала, хотя и избегал резко возражать против неё; в его «Основах химии», одном из лучших трудов по химии того времени, о теории флогистона вообще не говорится. Немецкий же химик Г. Штабель был в то время одним из очень немногих учёных, публично не согласившихся с теорией флогистона. Он высказал свою точку зрения в опубликованном в 1728 году руководстве «Догматико-экспериментальная химия».

Самостоятельное и явно не случайное знакомство именно с этими новейшими для того времени разносторонними научными взглядами позволили М.В. Ломоносову сформировать свою точку зрения на процессы горения. И позднее он никогда, утверждают историки химии, не считал флогистон веществом, обладающим отрицательным весом (т.е. уменьшающим вес тела, с которым он соединялся), и способностью проходить через все тела, хотя эта теория в научной среде того времени была популярна в течение почти века. Гипотезу флогистона экспериментально опроверг французский химик А.Л. Лавуазье (1743-94), создав в 1780 году кислородную теорию горения. Но как, без соответствующей подготовки, которую не могла дать единственно «химия по Тейхмейеру», разобраться в этом, и зачем Ломоносову, будущему горному офицеру, все эти, как сказал Х. Вольф, «замысловатые теории»?

Но, похоже, уже тогда, сразу по приезде в Марбург в 1736 году, будущий учёный начал заниматься именно «теориями» и опытами, подтверждающими или опровергающими его какие-то, неизвестно откуда взявшиеся, знания по химии. Об этом он позднее писал Михаэлису, прося позволения изучить в его лаборатории некоторые химические процессы, которые казались ему сомнительными. Всё это заставляет думать, что Ломоносов приехал в Германию уже, по крайней мере, имея представление о химии (или алхимии), что выбор лекций именно «по Шталю» был сделан им самим, что в лаборатории университета он не химическими эффектами развлекался, а выполнял какую-то свою научно-экспериментальную работу.

А как шло обучение геологии и минералогии – основным составляющим профессии горного инженера? Очевидно, за лекции этого цикла надо было платить отдельно или они вообще не преподавались в Марбурге, потому что в сентябре 1737 года Вольф просил Академию наук ускорить решение вопроса об изучении студентами естественной истории. В ноябре он получил программу *самостоятельных* занятий студентами естественной историей и в письме в АН обещал проследить её исполнение.

Однако в середине марта следующего, 1738 года, Ломоносов пишет в отчёте в Петербург, что к изучению естественной истории они ещё *не приступали*, так как предложенных программой книг «нельзя получить раньше пасхальной ярмарки». Чуть позже он сообщает в письме «главному при Академии командиру», т.е. президенту Корфу, что «рекомендованные для изучения естественной истории и металлургии книги, а также некоторые руды могут быть приобретены только на пасхальной ярмарке» и просит выслать обещанные деньги «как на вышеозначенные предметы, так и на наше содержание». Больше сообщений об изучении естественной истории ни в рапортах, ни в письмах в Академию нет (или не сохранились).

Удалось ли попасть на ярмарку, были ли куплены необходимые книги и руды, как были организованы самостоятельное изучение геологии и минералогии, а также контроль знаний по этим предметам – неизвестно. Но в начале января 1739 года Вольф, касаясь вопроса дальнейшего обучения русских студентов, писал Шумахеру в Петербург: «Лучше всего было бы,

конечно, если бы их поскорее отозвали отсюда, потому что они не умеют пользоваться академической свободой и притом уже успели окончить то, что должны были тут сделать». То есть получается, что за полгода (а не за годы учёбы в Германии, как пишут некоторые исследователи) Ломоносов самостоятельно, по книгам освоил геологию и минералогии настолько, что через короткое время смог создать фундаментальные труды по этим отраслям человеческих знаний?

С наступлением 1739 года закончился договор, по которому Х. Вольф на базе руководимого им университета должен был ввести русских студентов в науку. За два года они прослушали в Марбурге курсы *вводных* лекций по физике, химии, математике и другим дисциплинам этого профиля, освоили рисование, фехтование и танцы, немецкий язык. Вольф в письме Корфу от 2 января этого года сообщал, что «в немецком языке они уже настолько успели, что не только понимают всё, о чём говорится, но и сами могут объясняться по-немецки. Во французском же языке они, по всей вероятности, недалеко ушли вперёд, потому что преподаватель этого языка не хотел их учить без платы, а сами они не сочли нужным беречь на это деньги».

Результаты усвоения полученных знаний у всех, конечно, разные. Московский отличник 16-летний попович Дмитрий Виноградов, которого отец, отправляя в своё время из Суздаля на учёбу в духовную академию, несомненно, чаял увидеть своим преемником на ниве руководства паствой, испытывал, видимо, немалые трудности в понимании физико-химико-математических премудростей, поэтому практически махнул на заморскую учёбу рукой. Вольф в письме в Петербургскую АН даёт ему отрицательную оценку: «...ничему кроме немецкого языка не научился». Райзер увлёкся изучением архитектуры, которой потом посвятит свою жизнь. А Ломоносову мало только введения в науку, он пытается вникать во всё, и вникать *основательно*.

Как-то находилось время и на развлечения, требовавшие немалых денег, появились, а потом стали расти как снежный ком долги. Вольф в письмах Корфу от 6 августа 1738 года и от 1 августа 1739 года объяснял студенческие растраты тем, что деньги, привезённые ими с собой, они прокутили, не заплатив того, что следовало, а потом, добыв себе кредит, наделали долгов. Причину этих долгов Вольф видел в том, что «они через меру предавались разгульной жизни и были пристрастны к женскому полу».

Ректор не чаял, как бы поскорее отправить их обратно в Петербург или во Фрейберг к Генкелю, но сначала надо было разобраться с их долгами, что оказалось весьма непростым делом, так как долгов было много, а главное – они продолжали расти. Переписка с Петербургом по этому поводу затянулась до лета. Конечно, Вольф поддерживал русских студентов в трудные минуты их жизни и морально, и материально. Но, как пишет уже упоминавшийся нами Е.Н. Лебедев в своей книге «Ломоносов»: «При всём том Вольф не был бессребреником, рыцарем науки, пылавшим к ней только платонической страстью. Наука принесла ему баронский титул в Германии. А когда из России ему пришло приглашение занять пост президента будущей Академии, он запросил себе непомерный оклад жалованья в 20000 рублей ежегодно, что равнялось сумме первоначальной сметы на устройство всей Академии». И в случае с нашими студентами он в конце концов добился того, что Петербургская АН выплатила ему все их долги до гроша.

С января 1739 года, как сообщал Вольф академическому командиру Корфу, Ломоносов и Райзер «посещают ещё курс математики», а в основном они «занимаются только сами про себя и пишут свои диссертации». Чем занимался в это время Виноградов – неизвестно. То есть эти полгода студенты были предоставлены самим себе. Наконец, все денежные проблемы как с Вольфом по итогам двух лет, так и с Генкелем на предстоящие два года были утрясены, и 9 июля 1739 года будущие химики отправились во Фрейберг, чтобы приступить к изучению главных практических предметов своей профессиональной подготовки.

В письме Корфу от 1 августа 1739 года Вольф сообщал: «Студенты уехали отсюда 20 июля утром после 5 часов и сели в экипаж у моего дома, причём каждому при входе в карету вручены деньги на путевые издержки. Из-за Виноградова мне пришлось ещё много хлопотать, чтобы предупредить столкновения его с разными студентами, которые могли замедлить отъезд. Ломоносов также ещё выкинул штуку, в которой было мало проку и которая могла только послужить задержкою, если бы я не предупредил этого».

При отъезде русские студенты уверяли Вольфа, что изменят своё поведение, «при этом, в особенности, Ломоносов не мог произнести ни слова от слёз и волнения». Господин профессор, видимо, не обратил внимание на то, что за его спиной, чуть поодаль, так же заливалась слезами девушка, с которой студент Ломоносов попрощался незадолго до этого. Вскоре ей, невенчанной жене, предстояло стать матерью его ребёнка. Тут не только заплачешь, но и из кареты выскочишь с отчаянным криком: «Я остаюсь!». Но у профессора хватило силы затолкнуть беглеца обратно и так захлопнуть дверцу, что сработала защёлка. Кучер взмахнул кнутом, и карета понеслась по узеньким улочкам ещё спящего старого города. Глядя ей вслед, Вольф недоумённо покачал головой: ну и штуку выкинул студент, с чего бы.

Во Фрейберге

Этот небольшой саксонский городок был основан в 12 веке. Он расположен у подножья Рудных гор в 40 километрах к юго-западу от столицы Саксонии Дрездена и примерно на таком же расстоянии к северо-западу от промышленно развитого города Хемниц, где в середине 16 века жил известный немецкий учёный, один из основоположников минералогии как науки Георгий Агрикола, которого позднее Ломоносов, «возвратясь в отечество», указывал в числе своих «главных руководителей в минералогии».

Градообразующим фактором для Фрейберга стали разработки серебряной руды, залежи которой выходили здесь во многих местах на поверхность, и добывать руду поначалу мог каждый желающий. Отсюда произошло и название быстро растущего поселения горняков, что в переводе означает «Свободная гора». В средние века Фрейберг являлся самым богатым городом в Саксонии. В описываемое нами время население его насчитывало девять тысяч человек, вся жизнь которых была сосредоточена вокруг горного промысла, а сам город являлся центром горнорудной промышленности региона.

Во всём Фрейбергском округе тогда насчитывалось около 180 рудников, в которых добывали серебро, медь, слюду, каменную соль и другие минералы. С 16 века здесь сложились и традиции преподавания горного дела. В 1711 году Фрейберг посетил русский царь Пётр I, который осмотрел горные выработки и даже сам спускался в штольню. Позднее по его рекомендации сюда ездил за горной наукой Акинфий Демидов – сын и продолжатель дела одного из основателей металлургической промышленности России Никиты Демидова.

В городе шла оживлённая культурная жизнь: процветали поэзия и историография; маркшейдер А. Байер и бергпробирер И.А. Клотч вели исследования в области естественных наук; с 1710 по 1759 год здесь жил и работал знаменитый органный мастер Г. Зильберман. В 1733-44 годах во Фрейберге преподавал член Германской Академии естествоиспытателей, горный советник саксонского правительства И.Ф. Генкель, к которому стекались ученики из многих стран Европы.

Немецкий врач, минералог, химик Иоганн Фридрих Генкель был известным специалистом своего дела. Уже доктором медицины и практикующим врачом он изучил горное и маркшейдерское дело, металлургию, химию, стал организатором и руководителем химической лаборатории горного дела, которую построил наполовину на свои средства (вторую половину оплатило правительство Саксонии в знак уважения к этому человеку и для пользы дела). В

этой лаборатории Генкель проводил практические занятия, а теоретические вёл у себя дома. К нему-то и ехали теперь русские студенты.

Они уже знали, что за вольную жизнь в Марбурге и накопленные долги им придётся отвечать. Корф в письме Вольфу ещё 20 марта сообщил, что «Академия наук никак не может оставить без внимания столь непростительное бесчинство и предоставляет себе подвергнуть [студентов] за это заслуженному и неминуемому наказанию». В тот же день Корф сообщил письмом Генкелю во Фрейберг, что Академия наук просит его обучать трёх студентов в течение двух лет металлургии. Расчёт планировалось производить раз в полгода: зарплата Генкеля 500 рублей; содержание каждого студента – 150 рублей. Вся сумма будет высылаться лично Генкелю с условием, чтобы он не выдавал много денег студентам на руки, и сам уплачивал из этой суммы за стол, квартиру, отопление и освещение.

Позднее и студенты получают из канцелярии Академии наук ордер, строжайше предписывающий «оказывать г-ну Генкелю, как своему начальнику, должное почтение, тщательно следовать его распоряжениям относительно занятий, образа жизни и поведения, довольствоваться тем столом и помещением, которые он им назначит, не делать никаких долгов и других бесчинств, а напротив, стараться вести себя благопристойно, прилежно заниматься своим делом». На «мелочные» расходы (письменные материалы, пудра для париков, мыло и т.п.) разрешалось выдавать каждому не более 1 талера в месяц. Студенты, как известно из письма Генкеля от 30 июля, сразу же по прибытии во Фрейберг приступили к работе и урокам «по части металлургии»; они также согласились подчиняться указаниям господина Корфа относительно занятий и образа жизни.

Генкель был уже достаточно старым человеком (61 год), когда взялся учить Ломоносова и его друзей. Он не сомневался в своих знаниях и научно-педагогическом авторитете, но явно переоценил силы и возможности в отношении с русскими студентами. Если бы требования канцелярии Петербургской АН о выдаче им на руки по одному талеру в месяц он выполнил сразу, когда они только что приехали из Марбурга, где пережили, по словам Вольфа, искреннее раскаяние в своём небрежении к выдаваемым на учёбу деньгам, когда согласились выполнять достаточно жёсткие требования Академии, возможно, это бы и поставило их на место. Но учитель рассудил иначе.

Конечно, молодым людям после разгульной жизни в Марбурге пришлось бы трудно, довольствуясь одним талером в месяц, но ведь в Московской духовной академии им на всё про всё, в том числе на еду, давали по три копейки в день, и никто из учеников от голода не умер. Генкель стал выдавать им *на карманные расходы* по 10 талеров в месяц вместо одного предписанного. А тут ещё во Фрейберг именно в это же время прибыл «проездом» почётный член Петербургской Академии наук Г.Ф. Юнкер, сыгравший в жизни Ломоносова какую-то до сих пор не выясненную до конца роль. Познакомимся с ним поближе.

Друг для всех

Готлиб Фридрих Вильгельм Юнкер был не намного старше Ломоносова: родился в 1703 году в Нижней Саксонии. Учился в Лейпцигском университете, приобрёл здесь известность как стихотворец, подражатель саксонского поэта Гюнтера. В 1731 году он надеялся получить должность придворного поэта в Дрездене, однако этого не случилось: возможно, по причине малого поэтического таланта соискателя. И Юнкер отправился, как многие немцы в то время, «на ловлю счастья и чинов» в Россию.

Здесь он быстро сделал головокружительную карьеру, познакомившись с Шумахером – секретарём Петербургской Академии наук, которому её первый президент доктор Блюментрост специальным распоряжением уже передал всю полноту власти в этом учреждении. Среди обязанностей, возложенных на Академию (а, значит, организационно – на Шумахера), было

составление торжественных речей, од, стихов и надписей для иллюминаций и фейерверков, что при необходимости поручалось некоторым академикам. Появление «настоящего» стихотворца, каким Шумахер представил Юнкера, избавило их от этой нагрузки. Писал тот, по воспоминаниям, действительно много. Профессор истории Академии наук Миллер говорил, что Юнкер «брался за всё, что ему ни поручали», писал стихи, «не приготавливаясь, на всякий представлявшийся ему случай», и «был более чем счастливый стихотворец».

Комплимент, как видим, весьма сомнительный: не талантливый поэт, а просто удачливый творец поздравлений, оформленных стихотворно. Ни один из его «трудов», кроме оды «Венчанная надежда Российския империи в высокий праздник коронования всепресветлейшия, державнейшия великия Государыни Елисаветы Петровны...» (1742 г.), переведённой М.В. Ломоносовым (Юнкер не знал русского языка и создавал свои опусы только на немецком), не оставил следа в русской литературе. Е.Н. Лебедев в уже цитированной нами биографической книге «Ломоносов» писал: «Надо думать, переводя (причём безупречно как с формальной, так и с содержательной стороны) „Венчанную надежду“, Ломоносов, хорошо знавший её автора, не очень обольщался насчёт искренности расточаемых здесь похвал».

Уже в конце 1731 года молодого поэта (Юнкеру не было тогда и 30 лет), «хорошо писавшего также прозой» и могущего, по характеристике Шумахера, «пригодиться при разных случаях», назначили адъюнктом при Академии, а в 1734 году, по именному императорскому указу, он стал профессором политики, морали и элоквенции (следующий профессор «по этому профилю» В.К. Трелиаковский отвечал в АН только за элоквенцию, т.е. ораторское искусство и красноречие). Во всём этом обращают на себя внимание два момента: то, что поэт был готов пригодиться при *разных* случаях, и то, что он оказался «привязан» к политике, «сдобренной» моралью. Поэтому, думается, не случайно уже через год Юнкеру нашли ещё одно применение: он был определён в качестве историографа при фельдмаршале Х.А. Минихе, назначенном в Русско-турецкую войну 1735-39 годов главнокомандующим русской армии.

Считается, что сделано это было по предложению самого Миниха, который являлся якобы почитателем и покровителем Юнкера. Даже если это и так, то Христофор Антонович, так звали этого немца в России, крупно просчитался, и в конце жизни ему пришлось самому писать воспоминания, чтобы увековечить свои ратные и прочие подвиги. Но, скорее всего, поэт, готовый «пригодиться при разных случаях», был просто приставлен к фельдмаршалу в качестве «наблюдателя», о чём говорит его «военная» биография.

Эта война с турками и их союзниками крымскими татарами с самого начала обещала быть тяжёлой, во-первых, в моральном плане: ещё помнился разгромный для русских Прутский поход. Во-вторых, условия Крыма, населённого крайне враждебными России кочевниками, были практически неизвестны генералам русской армии. Как пишет С. Соловьёв в «Истории России с древнейших времён», уже через месяц после начала кампании, в сентябре, Миних и вся его свита, находясь в Полтаве, занемогли местной лихорадкой. Фельдмаршал распорядился отправить в Крым генерал-лейтенанта Леонтьева (кстати, того самого, который потом протезировал Ломоносову в Киеве). Это было очень неудачное решение: в середине октября начались дожди, потом пошёл снег, ударили крепкие морозы, что привело к огромным людским потерям (более половины 58-тысячного войска), падежу лошадей. Кроме того, выяснилось, что впереди движения войска нет ни леса, ни воды; пришлось поворачивать назад.

Миних был раздражён возвращением Леонтьева ни с чем. Самим же Минихом, вернее назначением его главнокомандующим, был недоволен командовавший Украинской армией старший генерал Вейсбах, считавший себя более опытным полководцем и поэтому не желавший подчиняться Миниху. «Серьёзная война ещё не начиналась, а уже генералы перессорились», – писал историк С. Соловьёв. В 1736 году возникли слухи о заговоре генералов против своего главнокомандующего, в связи с чем состояние находившейся в походе армии не на шутку обеспокоило императрицу.

Кабинет-министр Анны Иоанновны А.И. Остерман, отвечавший за вопросы внешней политики и старавшийся иметь резидентов на самых важных участках своей деятельности, недолюбливал Миниха, зная его характер «классического склочника». Но главнокомандующего назначал не он, поэтому, продумывая стратегию войны, Андрей Иванович должен был предусмотреть своего человека, не просто находящегося рядом с фельдмаршалом, но и допущенного в его мысли и планы. Приставить к честолюбивому Миниху в качестве историографа поэта Юнкера – прекрасная идея, автором которой мог быть только Остерман.

Итак, осенью 1735 года Юнкер с армией Миниха начинает Крымский поход. Зимой военные действия в ту пору не велись, поэтому историограф вскоре возвращается в столицу, где пишет к новому 1736 году оду «Время» и подносит её императрице. Весной нового года военные действия возобновляются, и Юнкер возвращается в действующую армию. Летом Миниху удаётся, с огромными потерями, взять крепость Азов. При этом выясняется нехватка всего: продовольствия, фуража, боеприпасов и даже соли, хотя на Украине работают два больших соледобывающих завода – в городах Бахмут и Тор. Очевидно, из разговоров с местными жителями Юнкер узнаёт, что заводы эти безнадежно выработали свой ресурс, устарели, нужна их модернизация, которая позволит в несколько раз увеличить выход соли *на-гора* и принести огромную прибыль государству.

В конце осени 1736 года Юнкер опять едет в Петербург, где привлекает внимание двора Анны Иоанновны своими разговорами и рассуждениями об улучшении работы украинских соляных копий. Ему предлагают составить подробное донесение о состоянии дела, высказать свои собственные «соображения». По представленным бумагам выходило, что при принятии некоторых мер на этих предприятиях «доходы её величества с небольшими издержками могут увеличиться, к величайшему облегчению её подданных, с 500 тысяч до полутора миллионов рублей ежегодно». Анну Иоанновну и Бирона это заинтересовало.

Правительство и Соляное правление (комиссариат) тоже были очень озабочены создавшимся положением. Дело осложнялось ещё и тем, что в эту войну по понятным причинам почти полностью прекратилось снабжение Левобережной Украины крымской солью. А императорские соляные заводы на Украине вываривали её не более трети от потребности. И тогда было решено поручить оперативные работы по увеличению производительности украинских соляных заводов Миниху. А руководство самими заводами передали... поэту Юнкеру, проявившему такую заинтересованность в этом деле. Ему было присвоено также звание камерального, то есть управляющего госимуществом, советника.

Христофор Антонович имел хорошее инженерное образование, у него был большой опыт хозяйственно-организационной и строительной деятельности, поэтому в другое время он мог бы, наверное, толково справиться с поручением. У него бы выход соли *на-гора* увеличился в самый короткий срок, тем более что подобные ответственные задания ему уже не раз приходилось успешно выполнять. Но ведь шла война! Весной 1737 года началась подготовка к взятию Крыма армией генерал-фельдмаршала Петра Ласси и крепости Очаков армией самого Миниха. До Бахмута ли тут с Тором? До выполнения этого поручения у главнокомандующего, похоже, так никогда руки и не дошли.

А что же Юнкер, инициатор казавшегося столь перспективным дела? По указу от 26 августа 1737 года он был окончательно отставлен от Академии наук (а значит, и от Миниха, к которому официально был приставлен как сотрудник АН) и назначен «надворным камеральным советником Бахмуцких соляных заводов», что, вроде бы, сулило ему самостоятельность и возможное богатство. Но он забыл, что истинным, хотя и неофициальным распорядителем его судьбы с 1735 года стал фактический глава Кабинета министров Остерман. Андрей Иванович перехитрил всех: и Анну Иоанновну с Бироном, поверившим Юнкеру, и самого поэта. Ему не нужен был Юнкер-солевар, ему нужен был Юнкер-осведомитель.

Дело в том, что после взятия Минихом в середине июля 1737 года крепости Очаков в войну против Турции вступила, «осмелев от побед русских», союзница России Австрия. Однако её войска тут же начали терпеть поражения, что, вместо помощи, лишь усугубило ситуацию для союзников и укрепило позиции Турции. В августе 1737 года представители России, Австрии и Турции собрались в местечке Немиров (Подольская губерния), чтобы урегулировать военно-политические вопросы и прекратить военные действия. Русскую делегацию на переговорах возглавлял из Петербурга сам Остерман. Переговоры закончились безрезультатно; кроме того, возникла угроза вероятности сепаратных переговоров Австрии с Турцией.

Именно в это время Юнкер под видом специалиста по солеварению, изучающего состояние соляных промыслов в Европе, был направлен по рекомендации Остермана в научную, так сказать, командировку за рубеж. Миних к тому времени уже упрочил своё положение в армии, начавшей, наконец, побеждать, и «приглядывать» за ним больше не было необходимости, но нужна была срочно информация о возможности сепаратных соглашений Австрии и Турции.

Считается, что все изменения в жизни Юнкера в России происходили по воле российской императрицы. Но ведь известно, что, не имея понятия о государственном управлении и не доверяя Сенату, Анна Иоанновна практически с самого начала правления переложила эту работу на учреждённый ею в 1731 году Кабинет министров, на заседаниях которого уже в 1732 году побывала лишь дважды. Тот же Миних писал в своих мемуарах об Анне Иоанновне: «Главный её недостаток заключался в том, что она слишком любила спокойствие и не занималась делами, предоставляя все произволу своих министров».

В 1735 году Кабинет министров получил право издавать законы и указы, исходящие от её имени. С тех пор лишь ничтожная часть именных указов, во множестве проходивших через Кабинет, подписывалась лично императрицей. Министров, наделённых особыми полномочиями подписывать именные указы, изначально было трое: канцлер граф Г.И. Головкин, вице-канцлер граф А.И. Остерман и действительный тайный советник князь А.М. Черкасский. В январе 1734 года, всего на две недели пережив смерть старшего сына Ивана, Головкин умер и его в апреле следующего года заменил П.И. Ягужинский, который ровно через год тоже скончался. Его только в феврале 1738 года заменил А.П. Волынский. То есть весь интересующий нас 1737 год в Кабинете делами заправляли всего два министра – Остерман и Черкасский. О последнем современники отзывались как о деятеле честном и неподкупном, но совершенно ни к чему не способном и недалёком, не игравшем самостоятельной роли. Так, историк века М.М. Щербатов писал, что это был «человек молчаливый, тихий, коего разум никогда в великих чинах не блистал, повсюду являя осторожность».

Черкасского называли «телом Кабинета»; «умом и душой» этого высшего органа власти в стране был Остерман. Испанский посланник де Лирия писал: «Остерман до того забрал в руки все дела, что здесь является настоящим распорядителем он, а не царица, безусловно покоряющаяся его влиянию». Остерман остался в истории России как мастер интриг и «многоходовок», поскольку отличался умением верно понять требования и условия данного момента и поставить себе определённые и вполне достижимые цели. Пользуясь незаменимостью в Кабинете министров, говорят историки, он нередко вёл *свою* игру (но никогда – против России). Учитывая то, что все отчёты до и после «командировки» в Европу Юнкер отправлял в Кабинет министров, можно смело утверждать, что предназначены они были именно Андрею Ивановичу, как звали в России немца Остермана.

Конечно, деятельность Кабинета в целом и Остермана лично контролировалась фаворитом Анны Иоанновны Бироном, без одобрения которого не обходилось ни одно мало-мальски важное назначение на государственные должности. И хотя отношения Бирона с Остерманом были достаточно сложными, в случае с Юнкером никаких затруднений с отправкой своего агента под легальным прикрытием в Европу у Остермана быть не могло, так как имя Юнкера было во всех отношениях хорошо известно Бирону. В 1732 году поэт был использован для

составления иллюминации по поводу переезда двора из Москвы в Санкт-Петербург. В следующем году он составил стихотворное приветствие по поводу брака свояченицы Бирона. А буквально за месяц до назначения надзирателем соляных заводов написал оду по случаю избрания Бирона курляндским герцогом, причём экземпляр, поднесённый виновнику торжества, был отпечатан на белом атласе.

Юнкер и Ломоносов

Чем конкретно занимался Юнкер за рубежом в течение следующих двух лет, где побывал и что увидел полезного для улучшения солеварения на Украине, история умалчивает; тем более мало что известно о его «шпионской» деятельности в пользу России. Но вот летом 1739 года он оказывается «проездом» в маленьком саксонском городке Фрейберг, где знакомится с бергфизиком Генкелем, только что принявшим на учёбу русских студентов. Незадолго до своей смерти Ломоносов писал в «Справке о работах по соляному делу»: «Оный Юнкер... послан в Германию осмотреть все тамошние соляные заводы для пользы здешних, откуда он в 1739 году возвращаясь, был в Саксонии, в городе Фрейберге для рудных дел, где прилучились тогда российские студенты для научения металлургии, в коих числе был Михайло Ломоносов».

Юнкер, как известно, не имел специальных познаний ни в естественных, ни тем более в технических науках. Какими рудными делами он мог заниматься во Фрейберге, где не было никаких солеварен, а соль, если и добывали, то только каменную? Скорее всего, Ломоносов в приведённой выше «Справке...» просто уточнял (см. пунктуацию), что город Фрейберг – для рудных дел, то есть это шахтёрский город.

Сразу после знакомства с русскими студентами, прибывшими во Фрейберг, напомним, в июле 1739 года, Юнкер стал зачем-то настойчиво искать с ними дружбу: посещал их занятия у Генкеля, проверял уровень полученных в Марбурге знаний, беседовал, интересовался учебными планами. По рекомендациям и настоянию Юнкера Генкель купил ткань для шитья русским студентам нового платья (всё это обошлось в 42 талера 4 гроша). По его же совету был нанят за 100 (!) талеров в год учитель рисования – местный «инспектор над драгоценными камнями» Керн – с тем, чтобы будущие горняки, помимо изучения рудного дела и металлургии, «упражнялись в рисовании и умели составлять рисунки и планы рудничным строениям, плавильным печам, инструментам, машинам и штуфам».

Почему понадобился именно этот «экзотический» специалист и зачем, если в Марбурге они с той же целью уже прошли двухгодичный курс обучения рисованию, на что мы выше специально обратили внимание? Думается, пожелание нанять, вместо художника, умеющего рисовать, специалиста по определению драгоценных камней было высказано через Юнкера именно Ломоносовым, будущим специалистом по производству искусственных драгоценных камней в России. Значит, его уже тогда интересовал этот процесс, он уже тогда хотел знать секреты обработки драгоценных камней, чтобы применять их в своей будущей работе. А секреты эти легче всего было выпытать в ходе учёбы, завоевав доверие мастера, нанятого по цене явно «выше рыночной». Ниже мы ещё вернёмся к этому факту.

Юнкер рекомендовал студентам занятия по широкой программе под наблюдением лично им подобранных специалистов. Например, пробирному делу их должен был, по его протекции, учить уже упомянутый выше бергпробирер И.А. Клотч, местный исследователь в области естественных наук. Но в Полном собрании сочинений М.В. Ломоносова говорится, что в мае он закончил изучение пробирного искусства и химии у Генкеля⁵³. И не удивительно: кто же будет работать бесплатно, если даже Генкелю Академия наук впоследствии постоянно задерживала плату за обучение русских студентов.

⁵³ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 10. М.– Л., 1957. С. 425, 430.

При знакомстве с документами с удивлением узнаёшь, что старый учитель, вопреки широко распространённому у нас мнению о его зловредности, некомпетентности и жадности, принял молодых людей с радушием и ответственностью. Получив строгие наказания в отношении русских студентов и понимая, что они могут быть недовольны предоставляемыми условиями жизни, а, значит, недовольны и тем, кто данные условия предоставляет, он просил Петербургскую Академию наук прислать эти требования лично студентам, но составить их так, чтобы они не были чрезмерными и не унижали достоинство молодых людей (в это время у Генкеля проходили также обучение достаточно богатые наследники владельцев европейских горнорудных предприятий; нищета русских учеников могла компрометировать его школу). В упомянутом выше письме Корфу от 30 июля он высказал мнение, что назначенная Академией для каждого русского студента сумма в 150 рублей будет недостаточна, и предложил прибавить ещё хотя бы по 50 рублей каждому.

На следующий день (31 июля) письмо Корфу пишет и Юнкер, распрощавшийся с работой в Академии уже четыре года назад и ничего ей не должный. Он, филолог по образованию, зачем-то решил сообщить главному командиру Академии своё мнение о студентах-технарях, которые произвели на него в целом благоприятное впечатление: «по части указанных им наук, как убедился и я, и господин берграт, положили прекрасное основание, которое послужило нам ясным доказательством их прилежания в Марбурге. Точно так же я при первых лекциях в лаборатории, при которых присутствовал по вышеприведённой причине, не мог не заметить их похвальной любознательности и желания дознаться основания вещей». А как же оценка Вольфа, который писал тому же Корфу, что только Ломоносов сделал успехи в науках? Да и как филолог мог объективно оценить уровень знаний студентов по той же химии, которую не знал?

Юнкер в своём письме просил также бывших коллег по Академии наук забыть заслуженный гнев, который студенты навлекли на себя «легкомысленным своим хозяйством» в Марбурге. Похоже, письмо было рассчитано на «публику» и прочитано самим студентам с целью показать в авторе их защитника и ходатая. И это Юнкеру удалось, по крайней мере – в глазах Ломоносова, тем более что у них нашлось немало общих интересов, в том числе и на поэтической стезе. Ломоносов уже знал Юнкера заочно, так как прочитал купленную в Петербурге книгу В.К. Третьяковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735), в которой автор воздавал многие и, как считается, чрезмерные хвалы этому поэту. Личное знакомство с такой «знаменитостью» поначалу, вероятно, льстило студенту.

В сентябре 1739 года, то есть через два месяца после появления Юнкера во Фрейберге, туда пришла весть о победе русских под Ставучанами, взятии фельдмаршалом Минихом турецкой крепости Хотин и города Яссы. Казалось бы, радоваться этому и изливать свою радость в одах должен был прежде всего историограф этой войны, одописец Академии наук, личный друг фельдмаршала, академик и поэт Готлиб Юнкер, проводивший на этой войне два года. Однако он почему-то безмолвствовал. Или как человек, отправленный в Европу с определённой миссией, уже знал, что Австрия, скорее всего, пойдёт на серьёзные уступки туркам и победа русских будет этим дезавуирована?

Студент Ломоносов не был ничьим шпионом. В его «верном и ревностном» сердце «преславная над неприятелями победа», в которой он увидел самый большой успех русского оружия после петровских побед, возбудила «превеликие радости», результатом чего стало написание оды «На взятие Хотина», которую он отправил в декабре с Юнкером в Петербургскую Академию наук. Ода была встречена в России, как известно, с большим интересом, но её не напечатали тогда «по политическим мотивам»: условиями Белградского мирного договора, определившего в конце сентября итоги Русско-турецкой войны 1735-39 годов, Хотин был возвращён Турции.

Вместе с одой студент Ломоносов отправил в Академию наук письмо «О правилах российского стихотворства». Высказанные в нём мысли, как считают специалисты, определили

основы классической системы русского тонического стихосложения 18 века и положили начало реформе русского литературного языка. Конечно, родились эти мысли не спонтанно и не тогда, когда начали рождаться строки оды, но посыл оформить их был продиктован, скорее всего, именно настроением победы русских. Работа над одой и «Письмом...» продолжалась не менее двух месяцев, в течение которых не говорить на эту тему Ломоносов и Юнкер не могли, но только недоброжелатель может назвать Ломоносова учеником Юнкера и сказать, что эти труды написаны под влиянием этого весьма посредственного немецкого поэта.

Второй, а для «солеваря» главной, темой активного общения с Ломоносовым во Фрейберге стало солеварение. В упоминавшейся выше «Справке о работах по соляному делу» Михаил Васильевич так пишет об их отношениях, говоря о себе в третьем лице: «Юнкер употреблял его [Ломоносова] знание российского и немецкого языка и химии, поручая ему переводить с немецкого нужные репорты и экстракты о соляном деле для подания в Санктпетербурге по возвращении (то есть почему-то именно во Фрейберге Юнкер решил подготовить отчёт о своей „научной“ двухлетней командировке, прибегнув для этого к помощи ранее незнакомого ему русского студента. – Л.Д.), при коем случае Ломоносов много в четыре месяца от него пользовался в знании соляного дела».

Эта фраза вызывает некоторую сложность в понимании. О чём говорит автор «Справки...»: о том, что студент при этих совместных занятиях узнавал что-то новое от Юнкера в соляном деле, или это Юнкер «от себя» использовал знания студента при составлении отчёта? Обычно, в комментариях утверждается первое. Но это совершенно не вяжется со следующим за тем утверждением: «А особливо, что он [Ломоносов] уже прежде того на поморских соловарнях у Белого моря бывал многократно для покупки соли к отцовским рыбным промыслам и имел уже довольно понятие о выварке, которую после с прилежанием и обстоятельно в Саксонии высмотрел». То есть автор говорит о том, что тогда, во Фрейберге, Юнкер употреблял его знания не только в российском и немецком языках и химии, но и в соляном деле, потому что он, Ломоносов, уже имел довольно понятие о выварке соли.

Совместная работа Юнкера и студента продолжалась более четырёх месяцев – почти половину того времени, которое Ломоносов провёл во Фрейберге. И не была закончена, так как на главный вопрос, который был поставлен перед Юнкером в 1737 году: как реорганизовать работу заводов в Бахмуте и Торе – ответ пришлось давать всё тому же Ломоносову в собственноручно написанной им работе «Нижайший доклад и непредрассудительное мнение императорскому Соляному комиссариату о соляных делах, что в местах, между Днепром и Доном положенных, находятся, а особливо об обоих императорских заводах, что в Бахмуте и Торе».⁵⁴ Случилось это уже после возвращения Ломоносова из Германии – в 1741 году.

Кстати, никакой химической составляющей в этом докладе нет; речь идёт в основном об организационно-технических мероприятиях, чем впоследствии поэт-солевар на данных заводах и вынужден был заниматься. То есть Юнкер мог на основании собранных им «экстрактов и репортов» сам написать в Петербурге отчёт на немецком языке и отдать переводчикам, коих в Академии наук был целый штат (русским языком не владел здесь не только Юнкер, но и большинство остальных работавших в Петербурге профессоров). Однако ему для этого чем-то приглянулся именно Фрейберг, а в этом городке именно Ломоносов (а не, например, сын специалиста по горным работам Райзер), и он почти полгода активно отвлекал студента от занятий по металлургии и прочим наукам, горному делу соответствующим.

⁵⁴ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 5. М.– Л., 1954. С. 243-247.

О работах по соляному делу

То, что Ломоносов к моменту встречи с Юнкером имел уже довольно понятие о выварке соли, сомнения не вызывает, но где и как он получил сие понятие? Достаточно ли для этого только бывать на солеварнях? Ведь любопытствовать он мог лишь в подростковом возрасте, юношей уже должен был участвовать в погрузке приобретённой отцом продукции, оформлении покупки. Однако много ли мог увидеть подросток – внешнюю сторону дела. Сама же технология, её тонкости и особенности – известны только работникам, занятым в производстве. Объяснять что-то подробно посторонним солевары вряд ли бы стали, так как процесс варки подчинялся определённом ритму, был достаточно сложным, по-своему опасным, а также требующим терпения и особой сосредоточенности от варщиков.

Вот как этот древний процесс описывается на сайте Соловецкого монастыря, которому в 17-18 веках принадлежали 54 соляные варницы в Беломорье: «Вываркой соли руководил опытный варничный мастер, или повар, которому помогали подварок и несколько рабочих. Повар сам затапливал печь, кладя дрова к устью печи кучкой, а подварок в это время „напущал” в чрен (котёл для выварки) рассол. Доведя рассол в чрене до кипения, солевар уже не мог отойти от него в течение всей варки, которая иногда продолжалась до полутора суток. Варничный мастер внимательно следил за тем, как шёл „кипеж” рассола, высматривая момент, когда в нём начнёт „родиться” соль. Особенно тщательно участники варки следили за жаром в печи. Ни в коем случае нельзя было допустить пригорания соли и образования соляной корки на поверхности чрена, так как в противном случае железное днище могло прогореть насквозь. При появлении первых кристаллов соли в чрен добавляли свежую порцию рассола и так поступали несколько раз, пока не получался густой „засол”. Чем крепче был первоначальный рассол, тем меньше требовалось добавок, и тем короче была „варя”. Когда соляной раствор загустевал, кристаллическая соль начинала оседать хлопьями на дно чрена. Это служило сигналом к тому, чтобы уменьшать жар в печи и постепенно гасить огонь».

Ну и когда тут было отвлекаться на любопытство посторонних, тем более организовывать знакомство их с тонкостями своей работы, в которых и заключается «довольное понятие» – то есть настоящее мастерство? Так что, думаю, Ломоносов мог знать этот процесс и все его нюансы, если только сам участвовал в нём, но где и когда? На его родном острове соль не варили. На Севере вообще самые большие объёмы солеварения были у монастырей, таких, как Соловецкий, Никольский, а также Даниловский старообрядческий на Выгу и других.

Вызывают недоумение и слова из «Справки...» о выварке соли, которую Ломоносов, якобы, «после с прилежанием и обстоятельно в Саксонии высмотрел». Когда Михайло и Юнкер познакомились и начали совместную работу над «экстрактами и репортами», студент ещё только прибыл в Саксонию и ничего здесь высмотреть не мог. Да и позднее – тоже, так как во Фрейберге соль не варили. Основные «тамошние соляные заводы» располагались на севере Германии – в курфюршестве Нижняя Саксония, где расположен старинный город Люнебург, являвшийся центром германского солеварения, и в Саксонии-Ангальт, где название наиболее населённого города – Галле переводится как «места, богатые солью».

В Люнебурге и Галле производили свыше девяти тысяч тонн соли в год; именно там и должен был, по идее, набираться опыта Юнкер. Люнебург расположен неподалёку от Любека, откуда в Санкт-Петербург регулярно ходили почтово-пассажирские пакетботы – это был тогда самый удобный, короткий и дешёвый путь из Европы в столицу России. Возможно, Ломоносов, добираясь до Любека, откуда он летом 1741 года возвращался морем на родину, и заглянул в нижнесаксонский Люнебург. Возможно, он смог побывать здесь на шахте и даже что-то там высмотреть с пользой для дела. Но это, повторимся, если ранее у него был опыт *личного* участия в солеварении, так как основательно познакомиться с организацией солеварного произ-

водства в Люнебурге у него не было времени. Указание из Академии наук звучало однозначно: прибыть срочно в Петербург, нигде в пути не останавливаясь.

«Справка о работах по соляному делу» с подзаголовком «Для известия» была написана Ломоносовым примерно за месяц до его кончины, когда Михаил Васильевич уже осмысливал и переосмысливал всё самое важное в своей жизни. Для какой цели она была составлена, кому предназначалась – историкам не удалось выяснить до сих пор. Но если говорить по существу, то справка эта, состоящая всего из двух абзацев, – ни о чём. Это какие-то разрозненные эпизоды из прошлого: Миних, Юнкер, случайная встреча во Фрейберге, совместная работа над составлением «юнкерова отчёта» и продолжение её затем в Петербурге, сообщение о безвременной кончине Юнкера. Значительная часть информации – о том, как некий барон Черкасов позвал к себе Ломоносова в 1744 году и «поручил пробовать разных 10 солей российских и сверх того испанскую, для сравнения в их доброте, что он и учинил, и принято с апробациею. Из сего можно рассудить, каково имеет сведение помянутый Ломоносов о соляном деле, а особливо будучи 20 лет профессором химии, и о соли издал в публику ясные понятия в „Слове о рождении металлов” и во втором прибавлении к „Металлургии”».

Последняя обидчивая фраза никак не разъясняется текстом справки, и проба одиннадцати солей никак не подтверждает особую компетенцию Ломоносова в соляном деле, которую к тому времени никто уже, кажется, и не ставил под сомнение. Может быть, просто накатили на учёного воспоминания, которые он так и не успел закончить? А может, горько стало оттого, что столько сил потрачено зря, в том числе и на этого «профессора академического Юнкера», который так и не научился соляному делу, не сделал его, как обещал, прибыльным. Числился специалистом в этом деле, но работу за него на протяжении многих лет делал он, Ломоносов. Ведь недаром Михаил Васильевич пишет о себе: «Когда Ломоносов в 1741 году в Россию возвратился, нашёл здесь Юнкера в полном упражнении об исполнении соляного дела в России, в чём он с речённым Ломоносовым имел потому частое сношение и сверх того поручал переводить на российский язык все свои известия и проекты о сём важном деле. Оные его старания (я бы „перевела” это слово в данном контексте как *понуги*. – Л.Д.) где ныне находятся, неизвестно, для того что Юнкер, не дождав окончания к исполнению своих стараний, скончался».

При другом течении событий в России в начале 1740-х годов профессор красноречия, вернувшись в Петербург, ещё долго мог бы упражняться и «соляные» отчёты писать, а там, глядишь, снова Кабинету министров для какого-нибудь поручения потребовался бы. Но Кабинету в том составе оставалось существовать меньше двух лет, а после дворцового переворота, устроенного цесаревной Елизаветой, министры оказались вообще на волосок от гибели. С осени 1741 года больше некому стало давать поручения Юнкеру, и «почётному академику» пришлось-таки выполнять то дело, на котором он «застрял».

По прикидкам Юнкера, на реконструкцию заводов в Бахмуте и Торе требовалось 60 тысяч рублей, однако Бахмутская соляная контора с трудом выделила только 10 тысяч, на которые капитаном-инженером И. Мазовским в начале 1740-х была начата перестройка Торских заводов. Результаты пробных выварок соли на новых варницах в 1744 году были восприняты Юнкером как обнадеживающие, однако соляной конторе проведённая работа показалась пустой тратой средств. В 1745 году финансирование было остановлено, реконструкция прекращена. Юнкер ещё надеялся на её продолжение, обращался за помощью к Ломоносову, но всё было уже бесполезно. В 1746 году он умер (от переживаний?) в 40 с небольшим лет.

А в это время по ряду причин проблемы с солью в стране стали стремительно нарастать. Сенат был вынужден принять специальный указ «О соляных промыслах и о торговле оною и прочем». Этим указом заводчикам и соляным промышленникам приказали варить соль на своих заводах во всех имеющихся чренах, а также восстановить те, которые вышли из употребления. Однако результаты этих мер оказались мизерными. Вот о чём, мне кажется, и хотел сказать М.В. Ломоносов в своей последней «Справке...»: именно он, а не академик Юнкер

был настоящим знатоком соляного дела, но эти его знания и умения не были востребованы, хотя народ терпел острейшую нужду в таком важнейшем продукте (богатые дома снабжались солью по специальной «разнарядке»). Об отношении Ломоносова к Юнкеру в последние годы жизни говорит и его «Краткая история о поведении академической канцелярии в рассуждении учёных людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени», написанная летом 1764 года. В ней Михаил Васильевич вспоминает обо всех обидах, нанесённых ему за годы работы в Академии наук, о людях, чьё «поведение» он не мог принять: «Профессор Вейтбрехт умел хорошо по-латине; напротив того, Юнкер едва разумел латинских авторов, однако мастер был писать стихов немецких, чем себе и честь зажил и знакомство у фельдмаршала графа Минниха. Шумахер, слыша, что Вейтбрехт говорит о Юнкере презренно, яко о неучёном, поднял его на досаду, отчего произошла в Конференции драка, и Вейтбрехт признан виноватым, хотя Юнкер ударил его палкою и расшиб зеркало».

Так Ломоносов оценивал «почётного академика» незадолго до своей кончины. Но 25 лет тому назад во Фрейберге, да и потом в Петербурге после возвращения из Германии, его самолюбие, конечно, тешило то, что Юнкер нуждался в нём, в его знаниях, причём не только химических. Как мы уже говорили, в апреле 1742 года Юнкер «стихами представил» при публичном собрании Академии наук «в высокий праздник коронования Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Елисаветы Петровны, Императрицы и Самодержицы Всероссийския» оду «Венчанная надежда Российския Империи...». Перевод этих стихов на русский язык был поручен адъютанту Ломоносову. И, думается, сделано это было по рекомендации автора, познакомившегося с поэтическими возможностями молодого учёного ещё в Саксонии. Юнкер не ошибся: его ода в переводе Ломоносова была с восторгом принята российским обществом и жива до сих пор. А Михаил Васильевич, доказавший этой работой свой литературный талант, стал затем единственным автором печатных панегириков в течение почти всего последующего десятилетия.

Поездка в Дрезден

Мы уже говорили выше о том, что Генкель, сразу по приезде к нему русских студентов, по настоянию Юнкера заказал для них «новые платья», под которыми, судя по цене, подразумевались, скорее всего, тёплые кафтаны (платьем в то время называлась вся одежда, кроме белья и обуви). В сентябре, как свидетельствует «Летопись жизни и деятельности М.В. Ломоносова», специально для Ломоносова был куплен новый парик, сшиты плисовый китель и четыре холщёвые рубашки, стоимость которых составила 9 талеров 11 грошей; в октябре, опять же специально для него, приобретены башмаки и туфли стоимостью в 2 талера 18 грошей. То есть к октябрю Ломоносов был одет вполне прилично. И мог дополнить свой гардероб различными модными аксессуарами, имея ежемесячно на карманные расходы по 10 талеров от Генкеля и, вероятно, сколько-то от Юнкера за выполнение работы по переводу экстрактов и репортов, а также составление отчёта о командировке академика (не бесплатно же он использовал его знания в немецком языке и химии).

И вот в том же октябре этот молодой человек, одетый как приличный бюргер, отправляется зачем-то в столицу Саксонии – город Дрезден, расположенный в 40 километрах от Фрейберга. Зачем? Биографы не знают ответа и предполагают, что «эта поездка была совершена, по-видимому, с учебной целью». Но если с учебной, то почему он поехал один и не поставил об этом в известность учителя, а если поставил, то почему Генкель не упоминает об этом в отчёте в канцелярию Петербургской Академии наук, ведь такая поездка требует денег? И один ли он ездил в этот огромный, незнакомый ему, город или у него был сопровождающий?

Если вспомнить, что в мае следующего года обиженный на Генкеля Ломоносов смело рванул по тому же маршруту жаловаться на жизнь российскому посланнику барону Герману

Карлу фон Кейзерлингу, резиденция которого находилась в Дрездене, то сам собой напрашивается вопрос: а не Юнкер ли возил *специально* приедетого для этой поездки Ломоносова, чтобы представить его господину барону? Юнкер был лично знаком с Кейзерлингом, исполнявшим в 1733–34 годах обязанности президента Петербургской Академии наук. Но почему он взял в поездку только Ломоносова, если прекрасно отзывался в письме в Академию наук обо всех трёх студентах, оставивших у него якобы самые благоприятные впечатления? Чем был вызван этот, судя по всему, специально подготовленный в течение трёх месяцев визит, чего ждали от посланника? Была ли это инициатива самого Юнкера или он был наделён какими-то полномочиями, а если да, то кем и какими? Пока у нас нет ответов на эти вопросы, но позднее мы попытаемся их найти.

Ломоносов и деньги

В декабре 1739 года, через четыре, как писал потом Михаил Васильевич, месяца, проведённых «в тесном общении с Ломоносовым», Юнкер засобирался обратно в Россию. Но если вспомнить, что этот академик находился у Генкеля во Фрейберге с июля по декабрь, то получается, что ему потребовалось больше месяца усилий, чтобы «приручить» студента. Что-то сдерживало в Михайле традиционное русское радушие и открытость, что-то мешало ему изначально принять протянутую для дружбы руку профессора.

В то же самое время Генкель в письме Корфу от 13 декабря (отправленном, скорее всего, с этим попутём) сообщил, что занятия студентов металлургией «идут успешно». Он напомнил о необходимости произвести прибавку к стипендии, так как студентам «нет никакой возможности изворачиваться 200 талерами», а также попросил выслать причитающийся ему гонорар за предстоящее обучение их в первую половину 1740 года.

То есть, судя по этому письму, всё идёт своим чередом: студенты учатся, учитель беспокоится о них, не забывая, естественно, и себя. И вдруг, буквально через несколько дней после отъезда Юнкера, – взрыв эмоций, грубые оскорбления Ломоносовым Генкеля и членов его семьи, публичные обвинения в корысти, некомпетентности, истерика по поводу денег. А ведь в декабре Генкель давал студентам на карманные расходы столько же, сколько и в предыдущие месяцы, при этом в десять раз больше, чем рекомендовала Академия наук (кстати, другие студенты, похоже, не бунтуют). Естественно, такое поведение привело к ссоре ученика с учителем.

Что же стало с характером Ломоносова в Германии? Вспомним: на Севере, в родных стенах – это послушный сын и внук (детские потасовки со сверстниками не в счёт). С мачехой не ладятся отношения – бежит от греха подальше, мёрзнет, голодает, но на глаза ей до ночи не кажется во избежание разборок. Перед соседями, когда надо, «свечой теплится». Из дома навсегда уходит по-тихому, без скандалов. И в Московской духовной академии осталась о нём добрая память, то же самое – в Киевской академии. На алтын в день безропотно жил, но не оставил своих занятий науками. Что же случилось с ним «за морем», почему рачительный крестьянин превратился в расточительного повесу, срывающегося на истерику при мысли о деньгах, жертвующего ради них даже возможностью обучения наукам, которые уже стали смыслом его жизни?

Почти все беллетризованные биографии учёного наполнены сожалениями их авторов по поводу того, что Академия наук держала студента Ломоносова и его товарищей на голодном пайке, задерживала отправку денег в Германию, урезала стипендию и так далее. Утверждается, что на те меньше чем полстипендии (150 рублей, или почти 200 талеров), которые получили русские студенты во Фрейберге на первое полугодие учёбы здесь, можно было только прозябать, умирая с голоду. Так ли это?

Летом 1789 года в Германии побывал проездом 23-летний Николай Михайлович Карамзин, будущий российский историк. В своих «Письмах русского путешественника», опублико-

ванных вскоре после возвращения на родину, он отметил: «В Саксонии вообще жить недорого». А каков был прожиточный минимум жителей Фрейберга в то время? А.А. Морозов, на которого мы уже неоднократно ссылались, приводит в своей книге «М.В. Ломоносов» такие данные: «Недельный заработок рудокопа был 18-27 грошей, из которых несколько грошей уходило ещё на свечи для шахты, которые рабочий приобретал за свой счёт. Но каждый рабочий вносил непременно три гроша в „копилку“ своего содружества или корпорации, которая поддерживала больных и ставших неспособными к горным работам товарищей и упорно боролась за свои права».

То есть рудокопы Фрейберга в первой половине 18 века получали в год за свою каторжную работу в среднем 50 талеров (талер – серебряная монета, равная 24 грошам, или правильнее – грошам), что в десять раз меньше изначально определённой стипендии русских студентов (400 рублей равнялись 500 талеров)! И даже если писатель ошибся и свои 18-27 грошей (в среднем один талер) рудокопы получали не в неделю, а в день, то и тогда в год это – 365 талеров (без вычетов и при работе без выходных).

Да что там саксонские рудокопы! Король Пруссии в 1713-40 годах Фридрих Вильгельм I, при котором основными правилами управления в этой стране стали контроль и экономия, выделял, как известно из его биографии, на питание каждого члена своей семьи (включая самого себя) 6 грошен в день. При этом на известном портрете 1733 года он выглядит весьма упитанным мужчиной. Сын его, будущий король Фридрих II Великий, в период учёбы получал на личные расходы (та же стипендия) 360 талеров в год, что было значительно меньше стипендии, назначенной российским Сенатом Ломоносову и его товарищам.

Почему же немецкий король экономил, а живший в это же время на его земле русский студент (юные Райзер и Виноградов, скорее всего, только брали пример со старшего товарища) счёта деньгам не хотел знать? Что имел в виду Генкель, говоря в письме Шумахеру, что Ломоносов «уже давно желает разыгрывать роль господина» (в других вариантах перевода – барина)? Почему во Фрейберге при переезде с квартиры на квартиру Ломоносов, почти 30-летний здоровый мужчина, который мог также позвать на помощь своих друзей-товарищей, тем ни менее нанимает за два талера (!) людей для переноски своих вещей на новое место жительства, о чём пишет в письме И.Д. Шумахеру от 5 ноября 1740 года?

Самый простой ответ – неумение студентов распоряжаться деньгами; тем более – большими деньгами. Но, думается, дело не только и не столько в этом. Деньги – вещь очень непростая. На них можно купить хлеб, книгу, одежду. Это их обыденный, так называемый профанный смысл. Но деньги могут превращаться в нечто, несущее особый смысл и значение, например, определять значимость человека: чем больше платят, тем более он ценен и значим. Это их сакральный смысл.

В родной деревне Ломоносова, живущей натуральным хозяйством, цена человека определялась не деньгами. В Москве он существовал на гроши, но это был удел всех «коштных» учеников в Спасских школах: его цена равнялась цене его товарищей. Перевод в Петербург увеличил эту цену в десять раз: отбирали лучших, поэтому увеличение стипендии было столь значительным, по крайней мере, на бумаге. Командировка в Германию увеличила московскую стипендию в сорок раз! И уже осознанная студентом Ломоносовым собственная значимость, до времени зажатая социальной несостоятельностью вследствие низкого происхождения и безденежья, наконец развернулась и потребовала подтверждения.

Деньги помогли ему реально почувствовать силу этой значимости (вопросы происхождения и социального положения за рубежом окружающими, естественно, не поднимались), открыли путь к её реализации. Они стали мерой стоимости не вещей и продуктов питания, а его самого. Самоценность определилась, и он не хотел её снижения ни на грош. Наоборот, она росла вместе с его успехами, подтверждёнными характеристикой «выше простых смертных

поставленного» Вольфа, не почитающего студента Ломоносова «бесполезным человеком», и востребованностью у того же Юнкера. Она росла и требовала адекватной оценки.

То есть в рамках этой сакрализации шло формирование новой личности, нового характера, новой модели поведения; и именно в этом главная ценность четырёх с половиной лет жизни Ломоносова в Германии. Говорю так, поскольку твёрдо уверена и пытаюсь вас уверить приведёнными выше фактами, что и в Москву, и в Германию он приехал с серьёзным багажом знаний, которые было необходимо лишь пополнить, структурировать и легализовать; мы увидим это и далее.

Известный американский исследователь денежной этики Т. Танг⁵⁵ утверждает, что установки по отношению к деньгам имеют три компонента: аффективный (добро, зло), когнитивный (связь денег с достижениями, уважением, свободой) и поведенческий. На основании итогов своих исследований Танг делит людей на материально удовлетворённых и материально неудовлетворённых, на основе чего определяется их поведенческая компонента: первые контролируют свои финансы, тогда как вторые позволяют деньгам управлять их поведением. При желании купить что-нибудь слишком дорогое представители первой группы стараются накопить достаточно денег, неудовлетворённые же чаще всего попытаются взять деньги в долг. Деньги и отношение к ним даже коррелируют со здоровьем: во второй группе значительно выше (sic!) частота эмоциональных срывов и психосоматических заболеваний.

Материальные факторы, стимулы и состояния тесно связаны с моральными. Михаил Васильевич эту связь будет остро чувствовать всю жизнь. Но, похоже, в его судьбе они никогда не совпадут в секторе «плюс», не принесут удовлетворения, потому что слишком высокой была *самоценность* в молодости и слишком низкой (на её фоне) она стала, как мы увидим позднее, после переломного для него 1743 года. Ломоносов у себя на родине, затем в Марбурге, первые месяцы во Фрейберге, а также в Санкт-Петербурге в первые годы после возвращения «из-за моря» – уверенный в себе, в своих *правах* и *возможностях* молодой человек. Он считает, что способен принимать самостоятельные решения, делать выбор и совершать поступки, и при этом не пользуется правилами, которые противоречат его чувствам, не идёт на поводу своих переживаний, о чём говорит, например, всё, связанное с его уходом из дома.

Гештальт-психиатрия, исследующая восприятие психикой человека жизненного опыта и организацию его в нечто целое, доступное пониманию, и гештальт-терапия, рассматривающая способности психики человека к саморегуляции и творческому приспособлению к окружающему миру на принципе ответственности за все свои действия, намерения и ожидания, считают такое поведение человека проявлением высокой самооценки. Именно таким М. Ломоносов прибыл во Фрейберг.

А что они относят к состоянию низкой самооценки? Это имеющиеся или *только что полученные* серьёзные внутренние проблемы человека, связанные с отношением к самому себе, заставляющие его выстраивать между собой и окружающими людьми стену высокомерия или «справедливого» гнева, надевать маску послушания, покорности или (!) цинизма, «неотёсанности» и грубости. Такой человек всё время ждёт насмешки, обмана, унижения, оскорбления со стороны окружающих. Ожидая угрозы, он именно это и получает. Защищая себя, он прячется за стеной недоверия и погружается в мучительное состояние одиночества и изоляции. Человеку в таком состоянии очень трудно понимать других, поэтому он или унижается перед окружающими, всецело и слепо подчиняясь им, или же грубо и деспотично подавляет других людей (скорее всего – не сознавая этого).

Самоценность как отношение и чувство к себе, представление о себе проявляется в поведении каждого из нас *независимо* от нашего желания, считают психологи. Под влиянием различных жизненных ситуаций самооценку может расти или резко падать. Таков случай с

⁵⁵ Tang et al., 1992-93.

Ломоносовым: он почти полгода провёл в дружеской кампании с человеком, ненамного старше себя по возрасту, но неизмеримо выше по социальному статусу, и который при этом нуждался в его знаниях и общении с ним. Обоим было интересно и полезно это общение. Тем более что Юнкер, как мы уже предположили выше, должен был, вероятно, сколько-то платить за выполненную Ломоносовым работу по переводу «экстрактов и репортов», подготовку его отчёта о командировке в целом. И всё это разом исчезло вместе с каретой, увозившей в серую мглу хмурого декабрьского утра почётного академика Петербургской АН Юнкера, ставшего товарищем студента Ломоносова по поэтическим и химическим занятиям. Кто не переживал минуты странного опустошения после расставания даже со случайным, но приятным в общении знакомцем? Карета (поезд, самолёт) уже унесли его вдаль, а та душевная связь, которая возникла некоторое время назад, ещё не порвана, ещё наматывает километры тонкая нить тоски расставания.

Учёба во Фрейберге

Без понимания вышеописанной ситуации поведение Ломоносова во Фрейберге и его бунт против Генкеля зимой 1739-40 годов, как его представляют обе стороны, необъяснимы (но и это, как увидим позднее, объясняет не всё). Крестьянскому парню, чьей судьбой была лишь забота о хлебе насущном для себя и своего потомства, выпало небывалое счастье учиться в Европе у лучших специалистов того времени. (Этот наш сегодняшний взгляд никогда бы, правда, не разделили представители крестьянства 18 века, считавшие большим несчастьем разрыв связей со своей малой родиной, своей семьёй, образом жизни; но стал ли крестьянином родившийся в крестьянском сословии Михайло Ломоносов – большой вопрос, на который нам тоже придётся искать ответ).

И вот вместо того, чтобы благоговеино впитывать опыт и знания учителя, Ломоносов (и только он!) через полгода учёбы доводит дело до прямого конфликта с ним, а ещё через четыре месяца – до полного разрыва. В гневе студент напишет в Санкт-Петербург о своём учителе: «Сего господина могут почитать идолом только те, которые коротко его не знают. Я же не хотел бы променять на него свои хотя и малые, но основательные знания и не вижу причины, почему мне его почитать своею путеводною звездой и единственным своим спасением...»

Но о каких «своих», тем более основательных, знаниях говорит студент Ломоносов, если он проучился во Фрейберге меньше года, при этом в первые четыре месяца, по его словам, «едва пройти успел учение о солях», а в остальное время был в ссоре с преподавателем? Редкие посещения рудников и разговоры с маркшейдерами – эмпирический, а не научный опыт. Как за столь короткое время и от кого, если других, кроме Генкеля, учителей во Фрейберге у него практически не было, Ломоносов получил такие знания, что стал впоследствии выдающимся учёным в области горных наук? И не только в России. История геологии утверждает, что первые научные обобщения опыта добычи и переработки полезных ископаемых выполнены в 16 веке немецким учёным в области горного дела и металлургии Георгом Агриколой и в 18 веке – русским учёным М.В. Ломоносовым (в нашей стране его и по сей день чтят как основателя российской геологии и горного дела).

Сам Ломоносов 7 января 1742 года в прошении на имя императрицы, в котором «бил челом» о пожаловании его должностью, пишет о своём пребывании в Германии: «Во оных городах будучи, я чрез полпята года не токмо указанные мне науки принял, но в физике, химии и натуральной истории горных дел так произошёл, что оным других учить и к тому принадлежащие полезные книги с новыми инвенциями писать могу, в чём я Академии наук specimens моего сочинения и притом от тамошних профессоров свидетельства в июле месяце прешедшего 1741 года с докладом подал».

На основании этого биографы пишут, что Ломоносов свои знания в геологии получил, знакомясь с постановкой рудного дела в Саксонии, спускаясь в шахты и забои. Некоторые исследователи позднее добавляли также, что «посещение германских рудников и гор было тем живым полем, которое послужило объектом наблюдений Ломоносова, здесь сложились все его геологические обобщения». Эти утверждения опровергает сам Ломоносов. В его письме Шумахеру от 5 ноября 1740 года читаем: «Естественную историю нельзя изучить в кабинете г. Генкеля, из его шкапов и ящичков». То есть он говорит здесь о том, что Генкель в основном учил их горному делу в своём кабинете.

Генкель же в письме в Петербургскую Академию наук от 23 сентября 1740 года утверждает, что спускаться в рудники Ломоносову не слишком по сердцу (и то сказать: этот взрослый ученик был по природе массивным человеком, такому в забое трудно, наверное, даже развернуться). Но при этом горный советник даёт студенту такую характеристику: «Господин Ломоносов, довольно хорошо усвоивший себе теоретически и практически химию, преимущественно металлургическую, а в особенности пробирное дело, равно как и маркшейдерское искусство [горная и рудничная топография], распознавание руд, рудных жил, земель, камней и вод, способен основательно преподавать механику, в которой он, по отзывам знатоков (выделено мною. – Л.Д.), очень сведущ».

Генкель, как видим, не говорит, о том, что всё это именно он дал своему строптивому ученику, что это усвоено Ломоносовым во время учёбы у него во Фрейберге. Наоборот, он даже не скрывает, что о некоторых знаниях и умениях ученика только наслышан от знающих людей (возможно, тех же маркшейдеров, с которыми вёл беседы Ломоносов). А ведь, если следовать официальной биографии, непосредственный опыт минералогии, добычи и переработки полезных ископаемых Ломоносов мог получить только во Фрейберге, поскольку в Холмогорах и Москве рудников в то время не было. А во время учёбы в Марбурге, если они там и были, их посещение не входило в программу обучения, и о таких фактах нет сведений. После же возвращения в Россию Ломоносов дальше Усть-Рудицы, кажется, вообще никуда не ездил.

Чтобы попытаться разобраться в этих нестыковках, вернёмся к началу той странной «войны» студента против преподавателя. Юнкер, так высоко поднявший самооценку Ломоносова, почувствовавшего себя рядом с этим академиком даже не равным, а более знающим, уехал. Студент, вздумавший представлять себя, как сказал потом Генкель, господином, снова стал просто учеником, и преподаватель не замедлил поставить его на место, что не могло понравиться молодому человеку. Поэтому случай с сулемой, которую Михайло отказался растирать по заданию преподавателя – можно рассматривать лишь как «казус белли» (формальный повод к войне).

Дело было не в сулеме; а в чём? Может, Ломоносова к тому времени всё, как говорит теперешняя молодёжь, достало? Он знает горное дело (как и многое другое!) не хуже горного советника Генкеля; разбирается в солях и поэзии лучше почётного академика Юнкера; с ним не гнушался беседовать лучший философ Европы того времени Вольф, что подтверждено ими самими! Но надо притворяться, делать вид, что именно они дают тебе знания, о которых ты, якобы, не имел до этого никакого представления, что только благодаря им умнеешь, становишься учёным человеком, что именно их надо «почитать своею путеводною звездой и единственным своим спасением». Ради чего он должен всё это терпеть? Ведь ему уже почти тридцать, у него месяц назад родилась в Марбурге дочь, которую он ещё ни разу не видел; у него масса идей, которые требуют воплощения и, что говорить, – признания. Он уже многое мог бы сделать для науки, для своей страны, а вынужден прозябать в высокомерной Германии. И конца этому – не видно.

Такой настрой мыслей и чувств русских мужиков приводит, как правило, к жестокой хандре, для лечения которой и сегодня, увы, самым эффективным средством является чаще всего алкоголь. Да, Ломоносов, который в это время жил в доме Генкеля, запил (и, скорее

всего, втянул в это дело своих юных товарищей), чего тот, естественно, не мог ему позволить как учитель, как хозяин дома, как отец семейства и добропорядочный бюргер, наконец.

В наказание за пьянство Генкель не дал студенту денег в январе, то есть оценил его «по нолям». Оценка и самооценка вошли в резкое противоречие. Ученик взбунтовался и в ответ отказался выполнять задания учителя; тот пригрозил более строгим наказанием. Ученик хлопнул дверью и несколько дней не появлялся в лаборатории. Проспавшись и одумавшись, извинился (правда, достаточно издевательски) за свой «проступок» сначала письменно, затем устно. Получил выговор и был прощён, хотя из профессорского дома пришлось съехать.

Конфликт, вроде бы, был исчерпан. Но отношения продолжали ухудшаться. Три года прошли вне родины, впереди ещё столько же: второй год теоретической подготовки у Генкеля, а затем, по программе обучения, ещё два года стажировки на металлургических заводах Европы. Если бы Ломоносов действительно осваивал металлургическую химию, механику, горное дело с нуля, каждое занятие у Генкеля было бы для него столь же интересным, как для других учеников горного советника. Но ему было неинтересно, потому что, как говорит и Генкель, он всё это знал и мог бы, по уровню подготовки, сам обучать других. Однако вынужден бесконечно заниматься «повторением пройденного». Запертый обстоятельствами в маленьком немецком городке Фрейберг, переживший взлёт и резкое снижение своей оценки, не имеющий рядом равных по уровню знаний друзей, способных поддержать при приступах ностальгии (Райзер и Виноградов были, по сути, ещё детьми), озабоченный своим будущим и будущим складывающейся семьи, Ломоносов именно на безобидного Генкеля обрушил своё раздражение, именно его посчитал своим врагом и, в конце концов, сам стал для него врагом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.